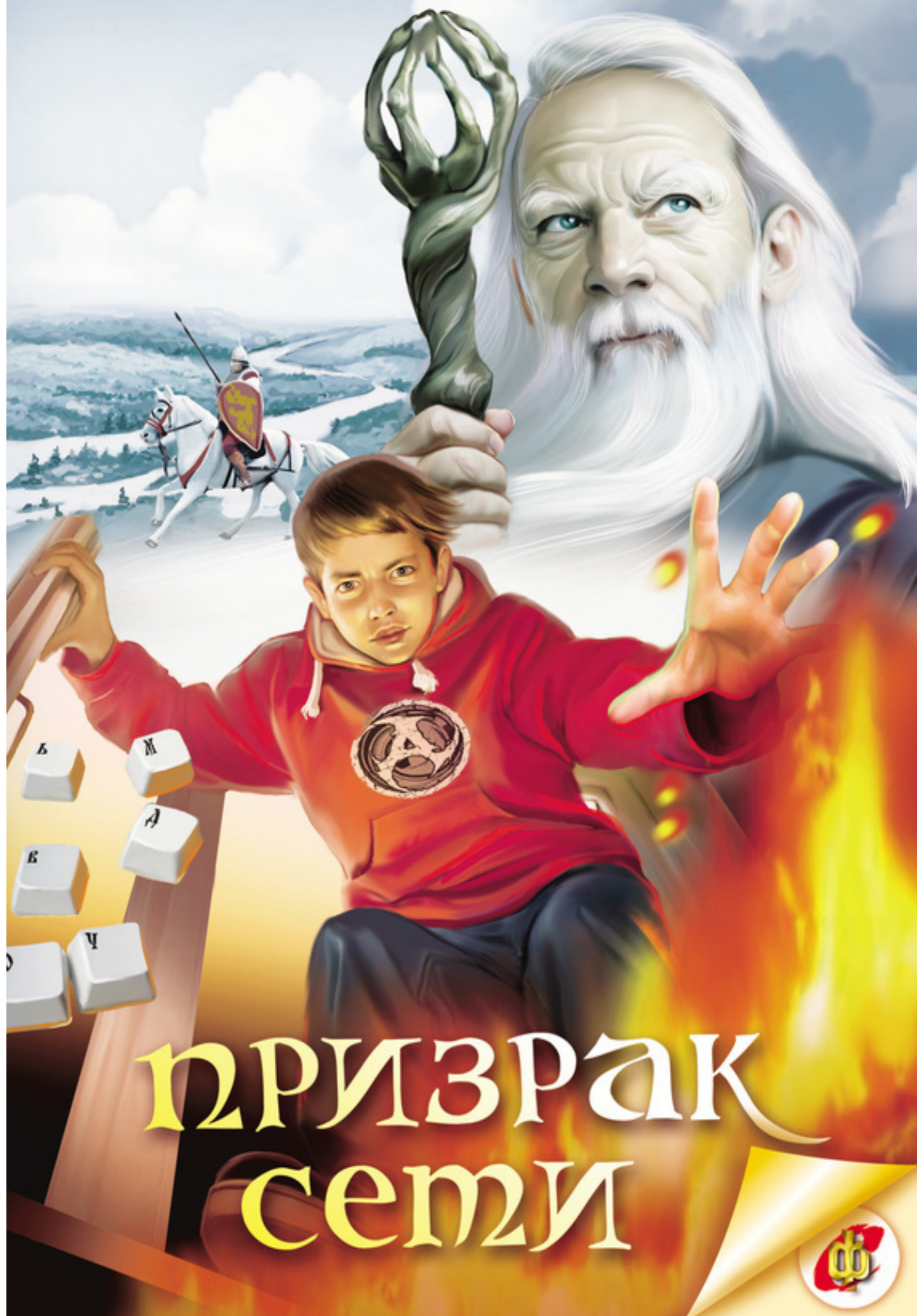

Тамара Крюкова

Современность. Фантастика

Тамара Крюкова

Призрак Сети

«Аквилегия-М»

2014

УДК 82-312.9-93
ББК 84(2Рос-Рус) 6

Крюкова Т. Ш.

Призрак Сети / Т. Ш. Крюкова — «Аквилегия-М»,
2014 — (Современность. Фантастика)

ISBN 978-5-904050-78-8

Приключенческо-фантастическая повесть известной писательницы Тамары Крюковой – лауреата премии Правительства Российской Федерации, лауреата Первой премии IV Всероссийского конкурса «Алые паруса», лауреата Первой премии Международного общественного благотворительного фонда «Русская культура» – переносит читателя в эпоху Древней Руси. Ученому, занимающемуся аномальными явлениями, удалось снять на цифровую камеру призрака. Он и не подозревал, что фантом вырвется в Интернет, а наш современник, любитель приколов и розыгрышей, отправится в XIII век. Увидеть живого Александра Невского – круто! Но оказаться в сражении лицом к лицу со шведскими рыцарями – это уже не шуточки...

УДК 82-312.9-93
ББК 84(2Рос-Рус) 6

ISBN 978-5-904050-78-8

© Крюкова Т. Ш., 2014
© Аквилегия-М, 2014

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	20
Глава 5	24
Глава 6	29
Глава 7	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Тамара Крюкова

Призрак Сети

Эту книгу я прочитала с искренним интересом. Меня очень порадовала изобретательность писательницы, сумевшей гармонично переплести тринадцатый век с двадцать первым и придумать остроумный способ, посредством которого современные школьники переносятся в прошлое. При этом важно, что отправляются они туда не из любопытства и не в поисках приключений (хотя и это, конечно, присутствует!), – их ведут соображения чести и верности, стремление помочь выполнить клятву. Психологически очень точно показано, как в душе юного «пофигиста», к его собственному удивлению, мало-помалу дает ростки самый настоящий патриотизм.

Особенно украшает книгу добротное знакомство Тамары Крюковой с бытовыми реалиями старины, как материальными, так и духовными. Чего стоит появление на ее страницах языческого жреца, показанного доброжелательно и с уважением! Люди самых разных убеждений и взглядов просто делают, что могут, для Родины, для людей – и в тринадцатом веке, и сегодня...

...А кроме того, «Призрак сети» – просто **ОЧЕНЬ ИНТЕРЕСНАЯ** книга!

Мария Семёнова, писатель-историк

Глава 1

И снова ночь накинула на землю темный покров. В обветшалом, словно траченном молью, небесном шатре дырочками проглядывали звезды. Это сама вечность взирала с высоты на землю. Там, наверху, время не имело отсчета. На земле сменялись века и эпохи, а в космосе длился все тот же беспредельно долгий миг.

Над землей возшла большая луна. В ее свете из тьмы, точно на негативе, проступила крепость. Кремль стоял на холме, у излучины реки. Широкая и полноводная, в лунном сиянии она блестела, точно атласная лента, впору девке в косу вплетать.

Мастерица луна серебристым кантом обшила княжий терем, окруженный высокой крепостной стеной. Вымощенный булыжниками двор в лунном свете походил на кольчугу ратника. Точно гордые воины в островерхих шлемах, стену охраняли пять круглых башен. Еще две, четырехугольные, стояли на страже возле ворот.

Славься, вольный град Великий Новгород!

Но почему так давно не слышно топота конских копыт? Не несутся кавалькады по подвесному мосту и не стучат в тесовые ворота нетерпеливые путники, чтоб их пустили внутрь детинца. Тяжелый засов неприкаянно стоит подле ворот. Осиротели жилые клетки. Давно погас огонь в горне кузницы. Не вращается гончарное колесо и не слышно радостного гомона в медоварне. Время перемололо в прах и властителей кремля, и их врагов.

Где твоя бывшая мощь, вольный Новгород?

Больше нечего и некому охранять. Княжеские подвалы давно разграблены. Куда делось золото-серебро? Не переливаются в ларях яхонты и самоцветы. Не полнятся короба соболиными шкурками. Собрало время дань дочиста. Как в насмешку над былым величием, к крепостной стене лепятся пестрые лавки и тенты с надписью «Кока-кола».

Благословенная ночь затушевала безвкусицу ярких красок, которыми размалеваны эти шутовские балаганы. Она милосердно скрыла выщербины и трещины, словно старческие морщины, избороздившие древние стены. В полнолуние крепость казалась такой же величественной, как в далекие дни славы.

Встрепенись от сна, Великий Новгород!

А за сорок верст отсюда вглядывался в ночь одинокий путник. Звали его Илия Кречет. Шел он в вольный град, нес грамоту князю светлomu. Сорок верст – путь не долг: коли поспешать, то день пути, а коли вразвалочку идти, то за пару дней одолеть можно. Только долго шел гонец: не день и не два. За то время много воды утекло в реке Волхове. Много храмов было возведено, разрушено и наново выросло из руин.

Неодолимыми оказались для путника сорок долгих верст. Сколь ни шел, а ни на шаг ко граду вольному не приблизился. Устал гонец и рад бы сойти с пути, коему конца нет, да крепкими узами связала его клятва. Поклялся он, что не будет ему покоя, пока не доставит грамоту по назначению. В слове твердом – сила тайная. Держит оно крепче оков железных.

Днем дорога Илие была заказана. Выходил он в путь темной ночью, а особо любил полнолуние, когда от луны исходит сила животворная. Тогда хотелось ему припасть к лунному сиянию и напиться из него, как из чистейшего источника. И мечталось Илие, будто силушка вернется к нему и он сумеет завершить свой бесконечный путь длиною в сорок верст.

Темная лента шоссе прорезала лесополосу. Давно канули в Лету те времена, когда здесь стояла непроходимая чаща да простирались топкие болота. Некогда здешние края славились зверьем и дичью. Теперь зеленую шкуру заповедного леса выстриг лишай цивилизации. Зверье перевелось. Леса поредели. В них зияли проплешины вырубок. А по трассам днем и ночью, шурша шинами, мчались железные чудища, спеша в Северную Венецию, сказочный Питер.

Ночь выдалась удивительная, какой она бывает только в полнолуние. Дородная, круглолицая, как купчиха, луна выглядывала поверх зубчатой стены леса, по-хозяйски озирая свои владения. От ее сияния небосвод приобрел серебристо-пепельный оттенок.

В это время суток движение на дороге сокращалось, но всегда находились полуночники, которые мчались по трассе, когда добропорядочные граждане видели сны. Однако в тот час, словно по мистическому стечению обстоятельств, дорога была на удивление пустынной. Казалось, все вымерло. По шоссе ехала лишь одна легковушка. Колеса резво подминали под себя асфальтированную полосу, стараясь настичь границу света и тьмы, но дорога разматывалась все дальше и дальше, как клубок, убегающий от котенка.

Фары выхватывали из темноты только ближайший отрезок шоссе, на фоне которого затаившаяся по обочинам дороги тьма казалась еще более густой и вязкой. Убаюканный монотонностью трассы водитель несся во весь опор, в очередной раз подтверждая слова классика: «Какой же русский не любит быстрой езды!»

Вдруг фары высветили поваленное поперек дороги дерево. Несмотря на то что был включен дальний свет, водитель не сразу заметил преграду. Могучий ствол возник внезапно, как будто ниоткуда. Он перегородил шоссе, а вывороченное корневище торчало из кювета, точно гигантский паук, зловеще растопыривший лапы.

Сидящий за рулем бородач ударил по тормозам. Его попутчик, в ужасе выставив руки, ухватился за приборную доску. В этот миг оба увидели человека. Лучи фар выхватили из мрака одинокую фигуру. Незнакомец стоял посреди шоссе и, не делая ни малейшей попытки убежать, смотрел, как на него на бешеной скорости несется автомобиль.

Водитель изо всех сил давил на педаль тормоза, понимая, что столкновение неизбежно. Расстояние сокращалось гораздо быстрее, чем машина сбавляла скорость. Места для маневра не оставалось. По обочине дороги шла глубокая канава. Стоило свернуть в сторону на такой скорости, и автомобиль был обречен на смертельное сальто.

Двое в машине невольно зажмурились. Секунды растянулись в вечность.

Нога, до боли вжавшая педаль тормоза...

Натужный скрип шин по асфальту...

Ужас от неизбежного столкновения...

Стоп!

Машина наконец подчинилась отчаянным усилиям тормозов и остановилась. Сидящие в ней люди от толчка на мгновение вдавились в спинки сидений, а потом дернулись вперед. Но удара не последовало. Не веря в удачу, человек за рулем открыл глаза.

Дерево исчезло. Фары освещали гладкий участок дороги. Водитель непроизвольно глянул в зеркало заднего вида. Абсолютно пустынное шоссе скудно освещалось красноватым светом задних фар. Несколько секунд люди сидели молча, приходя в себя от потрясения.

– Что это было? – испуганно пролепетал пассажир, вытирая ладонью лоб с высокими залысинами.

После пережитого кровь отлила от его лица и оно походило на гипсовый слепок.

Вместо ответа бородач в сердцах произнес несколько крепких русских слов, а потом, немного успокоившись, спросил:

– Ты тоже видел этого...?

Лысый кивнул и с удивлением произнес:

– В первый раз слышу, чтобы ты употреблял непечатные выражения. Миша, ты ли это? Ты ведь всю жизнь был примером благовоспитанности.

– Иногда идола сходят с пьедестала. Посмотрел бы я на тебя, если бы ты был за рулем, – отмахнулся Михаил. Руки у него все еще тряслись.

– Может, глянем, что там такое? – предложил его товарищ.

– Пошли. Ехать я все равно пока не могу.

Прихватив из «бардачка» фонарик, мужчины вышли из машины. Тонкий лучик терялся в черных прогалинах между деревьями. Поблизости не было ни души. Только темень и тишь, как будто мир ослеп и оглох. Тишина заполняла собой все, словно хотела поглотить путников, оказавшихся в столь неурочный час на пустынной дороге. Михаил кашлянул, чтобы пробить брешь в обволакивающем их безмолвии.

– Боря, ты мне вот что объясни. Допустим, тому типу удалось убежать. Но не мог же он бревно с собой упереть. Это же абсурд! – вслух рассуждал Михаил.

Где-то неподалеку заухал филин. Его смех звучал так зловеще, что даже человек с неслабыми нервами чувствовал себя неудобно.

– Бесовщина какая-то, – покачал головой бородач, стараясь отогнать от себя детские страхи.

– погоди, а ведь мне говорили... – задумчиво произнес его товарищ, опасливо озираясь по сторонам.

– Что говорили?

– Сядем в машину, – скомандовал Борис.

Тревога, звучавшая в его голосе, заставила обоих поспешно забраться в автомобиль. Почувствовав себя в мнимой безопасности, Борис нервным жестом провел по лысине, словно пригладил несуществующие волосы, и сказал:

– У моей тетушки из Гатчины по соседству живет занятный дедок. Как примет на грудь, так давай байки травить про призраков. Якобы со здешней дорогой нечисто. Естественно, его рассказы никто всерьез не воспринимал. Я тоже думал, что дед из ума выжил и ему слава Бермудского треугольника спать не дает. Кто бы мог подумать, что я увижу это собственными глазами.

– Ты думаешь, это призрак? – спросил Михаил.

– А у тебя есть другие версии?

– Нет, но я как-то не привык верить в привидения.

– Значит, мы с тобой оба свихнулись.

Они еще помолчали, вглядываясь в темноту за окнами машины. Тишину нарушил Борис.

– Послушай, если мы в самом деле видели призрака, то это же сенсация!

– И что ты собираешься с ней делать? Продать в желтую прессу? Представляю, как наши имена будут выглядеть на страницах какой-нибудь газетенки типа «Тайная магия». Нас же коллеги засмеют. Ученые, а верят в какой-то средневековый бред.

– Почему обязательно в газетенку? Есть вполне солидные организации, занимающиеся аномальными явлениями, – возразил Борис.

– И что мы им предъявим? Рассказ о том, как двум идиотам на дороге померещилось привидение?

– Эврика! Есть идея. Давай вернемся сюда с фотокамерой и сделаем снимки.

– Как ты себе это представляешь? В полночь встать на шоссе и кричать: «Уважаемый призрак, не желаете ли фото?» – съязвил Михаил.

– Зря иронизируешь. Между прочим, любительские снимки НЛО обошли весь мир. Для начала нужно сделать отметку, чтобы знать, в каком месте он появляется. Кажется, у тебя в багажнике был баллончик с краской для кузова? Давай нарисуем на дороге знак.

– Не думаю, что из твоей затеи что-нибудь выйдет. По-твоему, призрак тебя будет каждый день дожидаться? Вероятно, нужны какие-то особые условия. Сколько людей ездят по этой трассе и никогда не видели никаких привидений, – скептически отозвался Михаил.

– Откуда ты знаешь, что его никто не видел? А тетушкин сосед тебя не убеждает? К тому же незачем торчать здесь каждую ночь. Во-первых, возможно, призрак появляется только в полнолуние. Минус пасмурные дни, когда небо затянуто тучами. Получается, что придется дежурить не так уж часто, – подытожил Борис.

– Совсем спятил, – покачал головой Михаил.

– Неужели в тебе совсем нет азарта?

– Азарт есть. Денег нет, чтобы вместо работы гоняться за привидениями, – усмехнулся бородач.

– Хватит прибедняться. Не строй из себя скупого рыцаря. Или хочешь зажать краску? – подтрунил над ним лысоватый.

– Я сделал все, что мог, чтобы тебя отговорить, – развел руками Михаил, вручая другу ключ от багажника.

Взяв баллончик, Борис щедро напылил краску на дорогу Закончив работу, он вернулся в салон автомобиля.

– Ну что, Пикассо, краска хоть осталась? – проворчал бородач.

– Не жмись. Ты стоишь на полпути к славе.

– Нет уж, уволь. Предпочитаю держаться от мистики подальше. Мое дело – чистая наука.

– Как хочешь. Было бы предложено. Кстати, краска у тебя не ахти. Ночью на асфальте ее почти не заметно. Белая была бы лучше, – шутливо сказал Борис.

– Извини, друг. На призраков не рассчитывал, – в тон ему ответил Михаил.

Мимо них, слепя фарами, промчался автомобиль, а через несколько секунд еще один. Дорога оживала. Только теперь и водитель, и пассажир обратили внимание на то, что в течение последнего получаса шоссе было пустым, будто вымершим. Даже ночью это не было характерно для здешней оживленной трассы.

Михаил положил руки на руль. Они больше не дрожали. Нервы пришли в норму. Он выжал сцепление, и машина плавно взяла с места, оставив позади себя непонятный иероглиф, начертанный красной краской. Знак слился с чернотой асфальта и стал незаметен, сводя на нет происшествие на дороге, словно случившееся было лишь игрой воображения. Но механизм судьбы был запущен. Охота за призраком началась.

Глава 2

Глобальное бедствие в жизни Ильи Кречетова началось с сущего пустяка. Так начинается обвал в горах, когда один камень, ничтожно маленький в масштабах горной гряды, срывается с места и летит вниз. В своем падении он увлекает за собой своих собратьев. Те, задорно отступившая чечетка, подхватывают по пути щебень, булыжники, валуны. И вот уже лавина камней с гулом и грохотом несется в пропасть. Страшная в своей неуправляемости, она сметает все на своем пути. И уже ничего нельзя изменить. А камень, который явился причиной катастрофы, давно забыт и погребен под обломками скал.

Илья слыл известным шутником и частенько отчебучивал в классе что-нибудь такое, отчего все покатывались со смеху. Однако недаром говорят: сколь веревочке ни виться, все равно придет к концу. Когда в кабинете биологии Илья вставлял скелету между челюстями бычок от сигареты, он и не предполагал, к каким серьезным последствиям приведет эта невинная шалость.

Ничто не предвещало грозы. Сначала молоденькая учительница биологии Анна Сергеевна, которую за глаза звали Анютой, ничего не заметила. Но постепенно непонятное оживление в классе и смешки ребят навели ее на мысль, что, как говаривал принц Гамлет, «не все спокойно в Датском королевстве». Для начала она проверила детали своего туалета. Убедившись, что все пуговицы застегнуты и юбка в порядке, Аня окинула класс строгим взглядом. Судьбе было угодно, чтобы ее взор скользнул мимо мрачного символа смерти, изготовленного на заводе пластмассовых изделий, и она не узрела окурков, зажатый в челюстях «мертвеца».

Класс был уже разогрет и готов к предстоящей комедии, поэтому недоумение, написанное на лице биологички и ее естественный вопрос, что происходит, вызвал приступ смеха. Учительница попыталась выяснить причину необычайной жизнерадостности присутствующих. Однако даже самые отъявленные ябеды, всегда готовые заложить ближнего, были поражены бациллой смеха и не могли произнести ни словечка.

Скелет же скромно стоял в уголке. Он сжимал окурков в зубах и тоже широко ухмылялся, как будто рекламировал стоматологическую клинику и одновременно напоминал, что Минздрав предупреждает.

Проследив взгляды ребят, Аня поняла, что причина их бурного веселья находится где-то за ее спиной. Она оглянулась и только теперь заметила окурков. Когда она снова обернулась к классу, глаза ее метали молнии, а на лице застыло выражение крайней свирепости. Подобно большинству молоденьких учительниц, Анна Сергеевна слишком болезненно реагировала на все нарушения дисциплины, принимая их на свой счет. Смех захлебнулся и затих, а ситуация вдруг перестала казаться такой уж комической.

– Кто это сделал? – кипя от гнева, спросила учительница.

Вопрос прозвучал риторически. Несмотря на свою молодость, Аня обладала некоторым жизненным опытом, и ее взор немедленно обратился на третью парту в среднем ряду, где сидел Илья Кречетов.

– Это опять ты? – чеканя каждое слово, произнесла биологичка.

Илья встал и скромно потупился. Отпираться было бессмысленно. Народ знал своих героев.

Впервые ощущение смутной тревоги посетило Илью, когда Аня, вопреки его протестам и извинениям, потащила его к директору. Николай Кузьмич Семин, в народе дядя Сэм, отличался крутым нравом, поэтому в лицее не существовало проблем ни с дисциплиной, ни с внешним видом. Даже бузотеры вроде Кречетова, которые неизбежно встречаются в любом среднем учебном заведении, никогда не выходили за рамки обычной шалости. Оказаться в

кабинете директора было худшим из наказаний, но Илья даже не представлял масштабов предстоящей катастрофы. Однако шлюзы уже были открыты, и стихия вырвалась наружу.

Надо же было случиться такому совпадению, что именно в этот момент в кабинете директора оказалась мама Алины Белкиной, бессменный член родительского комитета. Тут-то и вспомнили давно забытую историю с резиновой змеей. Надо сказать, пресмыкающееся выглядело натурально. Илья случайно купил ее в обычной игрушечной лавке, и змея так здорово вписалась в цветочный горшок, будто там жила.

Все шло как по нотам. Кому-нибудь из девчонок говорили, что учительница просила полить цветы. Та бралась за дело, а все остальные ожидали, что будет, когда она увидит змею. Прикол удался на славу – лучше всякой комедии. Впрочем, девчонки не обижались. Поняв, в чем дело, они тоже присоединялись к публике. Кому же не хочется зрелищ? Только у Белкиной с чувством юмора оказалось туго. Визгу было на всю школу. Кто же знал, что она такая нервная? А потом ее мамаша звонила родителям Ильи и возмущалась хулиганскими выходками их сына.

Змеиная эпопея случилась давно, еще в позапрошлой четверти, но теперь эта покрытая пылью история выплыла вновь и повлекла за собой множество других воспоминаний из жизни и деятельности Ильи Кречетова. По сравнению с другими «художествами» окурков в челюстях скелета выглядел довольно безобидно. Кто же знал, что именно ему было суждено сыграть роковую роль в жизни Ильи! Кончилось тем, что отца Ильи вызвали к директору.

Дядя Сэм придерживался старомодных правил воспитания. Сигареты и спиртное были для него как красная тряпка для быка. Старшеклассники и те курили тайком и даже на улице после уроков предпочитали не попадаться директору на глаза с банкой пива. Семин не церемонился и сурово расправлялся с нарушителями. Илья не курил, поэтому ему и в голову не пришло, что безобидный окурочек обернется для него серьезными последствиями.

Вечером в ожидании, когда отец вернется из лицея после встречи с директором, Илья не находил себе места. Он то вскакивал с дивана и расхаживал по комнате, то подбегал к окну и вглядывался в потемки. Мысленно он проговорил все возможные варианты оправданий. Илья не подозревал, что петля на его шее уже затянулась и объяснений не потребуются.

Иван Степанович пришел домой мрачнее тучи. Глядя на его большую, грузную фигуру, было трудно сказать, что Илья – его сын. Сложением Илья пошел в мать, и лишь черты лица выдавали в нем потомка рода Кречетовых. Отец молча разделся, как всегда обстоятельно убрал в шкаф шарф и шапку и, не говоря ни слова, прошел в гостиную. От его молчания волнами исходило напряжение, которое заполнило всю комнату.

Заподозрив неладное, Наталья Павловна, которая в отличие от мужа не обладала сдержанностью, озабоченно спросила:

– Ваня, почему ты молчишь? Что случилось?

– А что тут говорить? Достукался наш шутник. Из лицея исключают.

– В каком смысле?

– В самом прямом. Директор велел забрать документы и переходить в школу по месту жительства, – отчеканил Иван Степанович, тяжело опускаясь в кресло.

Илья был так ошарашен, что до него не сразу дошел смысл сказанного. Наталья Павловна тоже не восприняла слова мужа всерьез. Она обернулась к сыну и начала ему строго выговаривать:

– Этого ты добиваешься? Чтобы тебя в другую школу перевели? Учишься в приличном месте, так цени. С завтрашнего дня чтобы мы больше не слышали о твоих художествах.

– Ты что, не поняла? С завтрашнего дня он в лицее не учится, – перебил ее отец.

– Ты шутишь? Он ведь почти отличник, – в недоумении сказала Наталья Павловна, лелея слабую надежду, что муж говорит это для острастки, в воспитательных целях.

– Какие уж тут шутки! Ты же знаешь, какие у Семина порядки.

Постепенно до Ильи стала доходить серьезность происходящего, и все его существо возмущалось против несправедливости.

– Пап, за что? Что я такого сделал?

– За сигареты. Забыл, как в прошлом году за курение троих вышибли из выпускного класса?

Эта на шумевшая история была чистой правдой. Троих старшеклассников отчислили из лицея за курение в туалете. Время от времени дядя Сэм любил устраивать показательные изгнания в назидание потомкам. В то время как в других школах подобные проступки и нарушениями-то не считались, у Семина порядки царили строгие. Его лицей был широко известен как один из лучших в городе. Родители из кожи вон лезли, чтобы определить туда своих отпрысков, но решающим фактором при приеме был не тугой кошелек, а знания поступающего. Несмотря на суровые нравы и большую нагрузку, ученики гордились лицеем. Никому не хотелось из него вылететь, поэтому, отступая от правил, даже старшеклассники придерживались конспирации, точно разведчики-нелегалы.

– Но я же не курил, – оправдывался Илья, и Наталья Павловна тотчас поддержала сына:

– Вот именно. Илюша эту гадость в рот не берет.

– А бычок скелет сам стрельнул? – возразил отец.

– Я его подобрал. Для смеху, – сказал Илья.

– Для смеху? Вот теперь и смейся, – сердито заключил отец, стукнув увесистым кулаком по подлокотнику.

– Но может быть, можно все уладить? Попросить? – робко вставила Наталья Павловна.

– Как будто я не просил! К сожалению, за нашим шутником и другие грешки водятся. Как зовут эту, которую ты змеей пугал?

– Белкина. Я ж ее не нарочно пугал, – буркнул Илья.

– А ее мать считает иначе. Она заявила, что ты социально опасный хулиган и своими выходками не даешь ее дочери прохода.

– Алинке? Что я головой стукнутый? У нее глаза, как у лягушки, на выкате. Как будто она в детстве сильно испугалась, – фыркнул Илья.

– Смотри, как бы ты не испугался, – сурово сказал Иван Степанович. – С храбрецами вроде тебя у Семина разговор простой: пинком под зад и ищи другую школу.

Наталья Павловна поморщилась. Она не одобряла простионародно грубоватых выражений, которыми частенько пользовался ее муж.

– Иван, следи при ребенке за языком, – чопорно сказала она.

– Ты бы лучше не меня воспитывала, а сына. Я имею право выражаться, как хочу, потому что достиг всего в жизни сам. Если бы наш оболтус привык решать свои проблемы, то сейчас не сидел бы задницей в луже. Спрятались, как в аквариуме за стеклом, и думаете, что это весь мир.

То, что муж наперекор ее замечанию повторил грубое слово, заставило Наталью Павловну наконец осознать серьезность ситуации.

– Как же теперь с английским языком? И где мы найдем школу с математическим уклоном? – заволновалась она.

– Раньше надо было думать. С уклоном! Пускай теперь в другом месте уклоняется. Чтобы к Семину в лицей попасть, люди с репетиторами занимаются, конкурс проходят. У него недобора не бывает.

Илья молчал. Случившееся обескуражило его и вогнало в ступор. Все происходило будто не с ним. Он словно наблюдал со стороны, как не его, а какого-то другого Илью Кречетова исключали из школы. Одна половина мозга осознавала, что свершившееся – правда, и ничего нельзя поделать, ведь не смогли же уломать директора родители той тройки из выпускного. Но другая половина мозга отказывалась верить, что в середине года ему придется расстаться

с ребятами из класса и переходить в новую школу. Нет, этого просто не могло быть. Такое не могло случиться с ним.

Однако случилось. Это была явь, а не кошмарный сон. Звонок ближайшего друга Ильи, Стаса, окончательно расставил точки над «i».

– Привет. Ну как ты там? – спросил Стас. Голос у него был каким-то стыдливым и извиняющимся, как у человека, который разговаривает с безнадежно больным, зная, что тому осталось жить считанные дни.

– А ты как думаешь? Кайфую, – съязвил Илья.

– На меня-то чего злишься? Не надо было тебе Анюту доводить. Ты же знаешь, что у нее бзик. Вот дядя Сэм и понес. Он же, когда разъярится, как носорог – все крушит.

– Значит, я во всем виноват? А ты не ржал вместе со всеми? Чего же ты меня раньше не предупредил, если ты такой правильный? – разозлился Илья.

– При чем тут я? Говорят, Алинкина мать на тебя накапала, что ты к Белкиной пристаешь.

– Пристаю? Да если бы я оказался с ней на необитаемом острове, меня бы каждый день тошнило от одного ее вида, – зло выпалил Илья.

После сочувственной паузы на другом конце провода прозвучал дежурный вопрос:

– Что теперь будешь делать?

– Топиться не пойду. Вешаться тоже. И в других местах люди учатся, – как можно беспечнее сказал Илья, хотя на душе у него скребли котики.

С первого класса его приучили к мысли, что он ходит в элитный лицей. Друзей во дворе у него не было. Наталья Павловна полагала, что улица его ничему хорошему не научит. К тому же на дом задавали много. Свободное время он проводил за компьютером или с друзьями из класса. Дворовые ребята, которые ходили в обычные школы, отнюдь не пылали к нему дружескими чувствами, считая его задавакой. Следующий вопрос Стаса попал в самую больную точку.

– Ты в какую школу пойдешь? В английскую?

Родители попробовали устроить Илью в ближайшую к дому спецшколу, но в середине года это было безнадежно. Илья трепетал при одной мысли о том, что ему придется идти в обычную школу и учиться с хулиганами, которыми его вечно пугала мама. Он осознавал, что там, как и во дворе, окажется изгоем. Будущее ничего хорошего не сулило, но стоило ли плакаться перед всеми на несчастную судьбу?

– В папуасскую, – отрезал он. – Я и без ваших спецшкол проживу. Как будто нигде больше нельзя образование получить. Сидите, как в аквариуме за стеклом, и думаете, что это весь мир!

Выражение отца вырвалось у него само собой. Илью понесло. Он не понимал, зачем говорит Стасу дерзости. Может быть, оттого, что он сам страстно хотел вернуться в тот самый «аквариум» и до ужаса боялся покинуть его стены. Может, от несправедливости или оттого, что прежние друзья так легко отреклись от него, оставив за бортом. Конечно, дядю Сэма переубедить практически невозможно, но все же Илью не покидала мысль, что, если бы ребята вступились за него всем классом, директор смягчился бы.

– Ты что, взбесился? Никто тебя в бок не толкал шуточки откалывать. Психопат, – обиделся Стас.

– Да пошел ты!

– Сам иди, – отрезал Стас.

Короткие гудки в трубке словно подвели черту под прошлым этапом в жизни. Всё... всё... всё... всё... всё...

Кончено. Точка. Мосты сожжены, и возвращаться некуда.

Глава 3

В последние дни родители часто ссорились. Обстановка в семье накалялась с каждым днем. Наталья Павловна плакала, как будто отправляет сына не в новую школу, а в стан врагов. Иван Степанович велел ей прекратить глупые истерики.

Иногда Илья удивлялся: что свело родителей вместе? Они были полной противоположностью друг друга, начиная с внешности и кончая характером. Крупный, широкий в кости отец гордился тем, что вышел из простых мужиков. Мама, хрупкая и изнеженная, вечно сидела на новомодных диетах и, напротив, стремилась подчеркнуть принадлежность к богеме. При каждом новом знакомстве она непременно упоминала, что ее дед был художником, при этом умалчивая, что из-под его кисти выходили лишь плакаты типа: «Пьянству бой!» и «Мойте руки перед едой».

Обычно степенный и рассудительный Иван Степанович не вступал в перепалки с женой, как упорный вол не обращает внимания на назойливое жужжание слепня. Но в данном случае он чувствовал, что наступил момент, когда должен сказать свое слово в воспитании сына.

– В других школах тоже дети учатся, и нечего настраивать Илью, будто вокруг одна шпана. Я, между прочим, не в лицах образование получил, – говорил он.

– Тогда было другое время, – возражала жена.

– Время тут ни при чем. Когда он вырастет, никто не будет создавать ему тепличных условий. Пусть привыкает жить с людьми. Хватит ходить за ним, как за малым дитятей.

– Ты просто жестокосердный чурбан. Тебя нисколько не интересует судьба сына. Не удивлюсь, если узнаю, что ты сам все подстроил! – восклицала Наталья Павловна и, заливаясь слезами, падала на диванные подушки.

– Я подстроил?! До тех пор, пока ты будешь квохтать над ним, он никогда не научится думать, прежде чем делать глупости. Он должен уметь расплачиваться за свои поступки.

Во время ссор родители не обращали внимания на то, что Илья находится в соседней комнате и слышит каждое слово. Его не принимали в расчет, словно он был предметом мебели, который можно без его согласия двигать в тот или другой угол. Никого не интересовало, что он думает по этому поводу и какие чувства его бушуют. Чем больше Илья слушал подобные перебранки, тем больше в нем укоренялось чувство страха перед будущим испытанием. Ему невольно передавалась тревога матери. Илья никогда не был бойцом. Его мучило от одной мысли о том, что в новой школе ему придется самоутверждаться при помощи кулаков.

Чтобы отвлечься, Илья включил компьютер. Выждав, пока на экране появится меню, он набрал пароль и подключился к Интернету. Сначала он собирался войти в чат, чтобы с кем-нибудь поболтать и отвести душу, но передумал. Говорить ни с кем не хотелось даже через сеть.

«Одинокий и гордый», – подумал Илья, представляя себя героем, который, непонятый и забытый всеми, живет вдали от людей, чтобы однажды явиться и спасти мир.

Бесцельно побродив по разным сайтам, он набрел на игру про телепузиков. Игрушка была до безобразия примитивной. Илья уже давно не забавлялся тупыми стрелялками, но сейчас это оказалось именно то, что нужно.

«Так его! Мочи урода!» – бормотал Илья, нажимая на клавиши. Он несколько раз перестрелял разноцветных человечков, получая какое-то нездоровое удовольствие от каждого попадания. Он вымещал зло на телепузиках за то, что с ним самим обошлись несправедливо и жестоко.

Утро перемен не замедлило наступить. Перевод Ильи в другую школу оформили. Несмотря на протесты сына, в первый день мама привела его на занятия. Возле учительской топтался коротко стриженный бугай, про которых говорят «сила есть, ума не надо». Илья решил, что это недобрый знак, потому что именно таких ребят он опасался больше всего.

Неприятности начались с того самого момента, когда Наталья Павловна стала нахваливать сына новой классной руководительнице Светлане Степановне:

– Илюша почти отличник. Не знаю, не будет ли ему тут скучно. В лицее были очень высокие требования по математике. Там очень хороший уровень.

– У нас тоже сильные учителя, – сухо сказала учительница.

От Ильи не ускользнуло, что ей не понравилось пренебрежительное отношение к их школе.

Но Наталья Павловна, как токующий тетерев, была глуха и невосприимчива к настроению собеседницы, поэтому невозмутимо продолжала:

– Илюша никогда не менял школу. Ему будет трудно. Он очень ранимый и тонко чувствующий мальчик. Это наследственное. Его прадед был художником.

Илья залился краской. До каких пор мама будет считать его маленьким! И как она не понимает, что своим вмешательством только настраивает учительницу против него и его распрекрасного лицейского образования. Илья втянул голову в плечи, отчего стал похож на взъерошенного вороненка, и ждал, когда эта унижительная сцена закончится.

– Не волнуйтесь, класс у нас неплохой. К тому же он не единственный новичок, – подвела итог беседе учительница.

Она попросила Илью подождать в коридоре. Он с облегчением вышел из учительской и встал возле окна. Стриженный по-прежнему торчал здесь. Он бросил на Илью оценивающий взгляд, но Илья сделал вид, что не заметил этого. Парень направился к нему.

«Началось. Сейчас станет приставать», – подумал Илья, и внутри у него все сжалось.

– Мы с тобой, что ли, в одном классе будем учиться? – спросил парень.

– Наверно, – неопределенно пожал плечами Илья.

Бритоголовый дружелюбно улыбнулся.

– Тогда давай знакомиться. Серега Бережной. Для друзей Серый, – представился он и добавил: – Но это еще надо заслужить.

– Илья Кречетов, – кивнул в ответ Илья.

Мама предупреждала, что в новой школе его будут задирать, и если он не сумеет постоять за себя, то его совсем заклюют. Не похоже, чтобы стриженный нарывался на драку, но замечание о том, что его дружбу надо заслужить, наводило на вполне определенные мысли.

«Местный рэкети», – решил Илья и осторожно поинтересовался:

– Ты чего тут стоишь?

– А ты чего?

– Я здесь первый день.

– И я первый, – отозвался Сергей.

Илья от изумления открыл рот. Он невольно позавидовал спокойной уверенности парня. Впрочем, удивляться нечему. С такими кулаками можно ничего не опасаться. Однако Илья тотчас узрел в этой ситуации и свою выгоду. Если Бережной – собрат по несчастью, то им придется вдвоем отстаивать место под солнцем, а это легче, чем в одиночку. Правда, прежде Илья не водил дружбы с ребятами такого типа, но сейчас он был даже рад, что Серега – бритоголовый амбал. Моральные устои Ильи Кречетова проходили трудное испытание, и он резонно рассудил, что лучше держаться поближе к новому знакомому. В любом случае свой своего не обидит.

Прозвенел звонок. Светлана Степановна вышла из учительской и повела новеньких в класс.

Под пристальным изучающим взглядом тридцати пар глаз Илья чувствовал себя неудобно. На первый взгляд новые одноклассники ничем не отличались от прежних. Обыкновенные ребята и девчонки, но расслабляться не стоило. Хорошо еще, что их с Сергеем посадили рядом.

На переменах ребята присматривались к новичкам и держались на расстоянии. В прежних школах ни у Ильи, ни у Сереги не было недостатка в друзьях, здесь же они были явно в изоляции. Ребята бросали на новичков косые взгляды, девчонки перешептывались, но предлагать новеньким дружбу никто не спешил.

– Чего это они тут какие-то пристукнутые? Все по стенкам жмутся, – сказал Серега.

– Может, драку затевают? – предположил Илья.

– Из-за чего?

– Ну не знаю. Просто так, чтоб силу показать.

– Пусть попробуют. Врежу один раз промеж глаз, сразу всякая охота отпадет, – решительно заявил Серега.

При этих словах Илья невольно почувствовал себя увереннее. Мол, знай наших.

– Вы что, тоже переехали? – спросил Серега.

– Куда? – не понял Илья.

– Ну в новую квартиру. Почему тебя в другую школу перевели?

– Нет, не переехали. Просто я раньше учился не по месту жительства, – уклончиво ответил Илья.

– Понятно. Далеко добираться. А мы переехали. Мне сначала было даже интересно перейти в другую школу. Не знал, что тут такая тоска. У нас веселее было, – сказал Серега.

– У нас тоже, – вздохнул Илья.

Природная скромность заставила его умолчать, что в том была его немалая заслуга. Наверняка без него в классе воцарилась смертельная тоска.

Серега кинул взгляд на стайку девчонок. Стоя возле подоконника, они что-то с жаром обсуждали, украдкой поглядывая на новичков.

– Про нас говорят. Интересно, что? – сказал Серега и добавил: – А рыженькая – ничего.

Илью сейчас меньше всего интересовало, что о нем думают девчонки. От них он неприятностей не ожидал, а всякие там амурчики и записочки были не в его духе. Он гордо заявлял, что он выше этого. Хотя, надо признать, будь он чуточку выше ростом и шире в плечах, то наверняка снизошел бы до общения с прекрасным полом.

Поймав на себе взгляд рыжеволосой, Серега помахал ей рукой, но его ждало разочарование. Вместо ответного приветствия девчонка поспешно отвернулась.

– Ты чего тут граблями размахался? – услышал он за спиной.

Серега обернулся и увидел бритого накачанного парня. Судя по уверенно-наглому виду, тот ходил в лидерах. Портить отношения с ребятами в первый же день не хотелось, поэтому Серега примирительно улыбнулся.

– Да ладно. Не кипятись. Лучше б сказал, как тебя зовут.

– Ну Максим Рыбин, и что?

– Ничего. Надо же знать, с кем в одном классе учимся.

– Чё, любознательный?

– Ага, а ты нет?

Илья почувствовал, что мамины предостережения сбываются. Назревала ссора.

– Я в туалет, – пискнул он и ретировался.

Впрочем, на его отступление никто не обратил внимания. Ребята, как петухи, сверлили друг друга взглядом. Каждый пытался утвердить свое первенство.

В коридоре к Илье подскочила та самая рыженькая.

– Слышишь, а за что твоего приятеля из школы выгнали? – поинтересовалась она.

– Выгнали? – переспросил Илья. Значит, Серега его обманул насчет переезда? Удивляться не приходилось. Илья тоже не распространялся про свои прошлые подвиги. Он чуть было не ответил: «Не знаю», – но внезапно передумал. Рыжая с таким неподдельным интересом ожидала ответа, что Илья не мог не удовлетворить ее любопытства. К тому же он резонно

рассудил, что если всех как следует припугнуть, то никто к ним не полезет, поэтому он, не задумываясь, выпалил:

– Он одноклассника ножом пырнул. Его вообще хотели в колонию отправить, но потом смягчили приговор.

Девчонка ахнула. От удивления ее янтарные глаза округлились, как плошки, отчего она стала похожа на испуганную кошку. В этот миг Илью посетило вдохновение. Он решил, что не мешает придать Сереге ореол романтичности, и добавил:

– Из ревности.

После уроков Илья зорким оком заметил возле школьных ворот ребят из нового класса. Они стояли мрачной группой и почти не переговаривались, явно кого-то поджидая. Среди всех выделялся Максим. В дутой пуховой куртке его плечи раздались еще шире, а голова в обтягивающей вязаной шапочке казалась наростом, чуждым на этом могучем теле. Прозорливого Илью посетило предчувствие, что опасения мамы сбываются и ему действительно придется отстаивать свои права кулаками.

Узнав, что им с Серегой по пути, Илья возликовал и почувствовал, как к нему возвращается уверенность. Однако мужество покинуло его, как только он услышал оклик Максима:

– Эй, сильно торопитесь?

– Не так чтобы очень, – безразлично пожал плечами Серега, как будто не заметил, что против них стоят шестеро нехилых ребят. – Есть проблемы?

– Слышь, тебя тут никто не боится, – набычившись, сообщил Максим.

– Я что-то не врублюсь. Я что, Годзилла, чтобы меня бояться? – искренне изумился Серега.

– И к Балашовой не клейся, – не обращая внимания на его реплику, с угрозой в голосе продолжал Максим.

– Это к рыженькой? – переспросил Серега.

– К ней самой. Это моя девчонка.

– Обручены с колыбели? – ухмыльнувшись, спросил Сергей.

Он как будто нарочно подначивал Максима и его компанию. Илья нутром чувствовал, что хорошим это не кончится. Его план всех запугать дал осечку. То ли рыжая не оповестила класс, с кем они имеют дело, то ли здешние ребята оказались еще более отчаянными головорезами. Так или иначе, но Максим пригрозил:

– Ты не вякай, а въезжай, что тебе говорят. Сиди тихо и не шурши, бандюга.

– Это кто бандюга? – вскинулся Сергей.

– Ты. Скажешь, тебя из школы за примерное поведение вышибли?

– Кого вышибли? Что ты гонишь? – Сергей сжал кулаки и двинулся на Максима.

– Чё, хочешь показать, какой ты крутой? Смотри, а то тебе так пятак начистим, долларом станет! – не уступал ему противник.

Страсти накалялись. Не дожидаясь, пока Сергей перейдет в наступление, Максим ударил первым. Решив, что зрелище битвы его не привлекает, Илья хотел ретироваться, но путь к воротам школы был отрезан. Не имея выбора, он попятился и нырнул за заснеженные кусты сирени. В это время к дерущимся подбежали девчонки.

– Перестаньте! – крикнула Настя Балашова, бесстрашно разнимая мальчишек, а когда правопорядок был восстановлен, строго обратилась к Максиму: – Ты что, с ума сошел? Как будто не знаешь, кто он такой.

– А кто я? Ну скажи, – вскипел Серега.

– Сам знаешь, – бросила Настя и, подхватив Максима под руку, пошла прочь.

Увидев, что противники удаляются, Илья вылез из кустов и нос к носу столкнулся с Серегой.

– Ты чего там делал? – спросил тот, в упор глядя на Илью.

– Проездной обронил, – брякнул Илья первое, что пришло в голову.

Сергея несколько мгновений молча изучал Илья.

– Ну ты и трусло, – процедил он, развернулся и зашагал прочь.

Илья терял единственного союзника. Почти не надеясь на примирение, он потрусил за Сергеем.

– Я не трус. Я просто драться не умею, – извиняющимся тоном проговорил он.

– Ты и не обязан, – отмахнулся Сергей, даже не повернувшись в его сторону.

– Пусть будет по-твоему: я трус. Но тебе легко говорить. Ты вон какой сильный, а меня одним ударом, как гвоздь, в землю вобьют, – в сердцах сказал Илья.

Сергей искоса глянул на спутника. Назвать того атлетом мог только дистрофик в последней степени истощения.

– Ладно, не бери в голову, – смягчился Сергей. – Обидно просто. Я к ним по-хорошему, а они совсем оборзели. Дурдом какой-то!

Илья с облегчением понял, что прощен. Он так обрадовался, что ему захотелось незамедлительно отблагодарить Сергея за великодушие. Увидев на другой стороне улицы палатку «Мороженое», он спросил:

– Хочешь эскимо?

– У меня бабок нет.

– У меня есть, – успокоил его Илья.

– Не, я за чужой счет не катаюсь, – отказался Сергей.

«Вот тебе и на! А я его за рэкетира принял», – подумал Илья, испытыв легкий укор совести. Проникаясь все большей симпатией к новому приятелю, он предложил:

– Давай сегодня я тебя угощаю, а в другой раз ты меня. Идет?

Сергей решил, что это справедливо. Они направились через дорогу к киоску. Перемирие было полностью восстановлено.

– Интересно, с чего они решили, что меня из школы исключили? Кто им про меня такую чушь наболтал? – не мог успокоиться Сергей.

– А тебя разве не исключили? – удивился Илья.

– Да ты что! У меня ж ни одной тройки. Там меня вообще отпускать не хотели, – сказал Сергей, не покрывив душой. Среди ребят он пользовался авторитетом, и учителя его любили, поэтому ему было не понятно, почему здесь все настроены так враждебно.

– Мы квартиру поменяли. Я вообще не понимаю, кто про меня такую фишку пустил? Ну узнаю...

Илья вдруг остановился как громом пораженный. В его голове внезапно что-то прояснилось. Посетившая его мысль была столь нелепа и чудовищна, что он заколебался, стоит ли делиться своим открытием с Сергеем. Его сомнения не остались незамеченными.

– Ты чего? – спросил Сергей.

– Знаешь, никто ничего не выдумывал, – пролепетал Илья.

– В каком смысле?

– В самом прямом. Это они тебя со мной перепутали.

– Не понял.

В это время они подошли к киоску и встали в хвост небольшой очереди. Ребята были так поглощены каждый своими переживаниями, что не обратили внимания на стоящую перед ними девчонку. Кто же знал, что она была их одноклассницей!

Люся Приходько принадлежала к тому типу людей, присутствия которых обычно не замечают. У нее была такая блеклая и незапоминающаяся внешность, что она могла бы с успехом работать в разведке. Ничего удивительного, что ребята ее не узнали, тем более что сейчас на ней была вязаная шапка, натянутая по самые глаза. Зато Люся прекрасно запомнила новичков,

поэтому, когда они встали за ней, прислушалась к разговору. То, что она услышала, сразило бы наповал и человека с более крепкими нервами.

– Это меня исключили из школы, – сказал Кречетов, тот, что поменьше.

Илья помнил прописную истину, что чистосердечное признание несет некие выгоды, при этом он благоразумно решил промолчать о том, какие подвиги приписал Сереге в разговоре с Настей.

– Это что, шутка такая? – спросил Серега.

– Хороша шуточка. В середине учебного года. У меня мама до сих пор в истерике, – вздохнул Илья.

– Ну и ну! И за что же? – неподдельно изумился Серега.

Илья чуть было не сказал про окурок, но глядя на вытянутую физиономию Сергея, не удержался от очередного розыгрыша.

– Я тайный наркоторан, – таинственным голосом произнес он.

Больше Люся ничего не слышала. Не пересчитав сдачу, она на негнущихся ногах отошла в сторону и, только придя домой, сообразила, что вместо замороженной гавайской смеси, которую ей велела купить мама, она взяла брикет пломбира.

Глава 4

Тайное всегда становится явным. Илья постиг эту истину еще в раннем детстве, когда нечаянно разлил мамины французские духи и долил флакон водой из-под крана. Вот и теперь он не сомневался, что скоро правда выплывет наружу. Скоро все узнают истинную причину его перехода в другую школу. Но что еще хуже – до Сереги дойдут слухи о якобы совершенных им «подвигах». Вряд ли ему понравится легендарное прошлое, которым его щедро наделил Илья. Такую шутку Серега вряд ли оценит. Иногда людям изменяет чувство юмора.

Илье не хотелось потерять единственного союзника в стане недругов. Вывод напрашивался сам собой: нужно опередить события и рассказать Балашовой все, как есть.

Илья примчался в школу спозаранку в надежде, что ему удастся переговорить с Настей до уроков. Войдя в вестибюль, он испытал смесь обиды и ностальгии по прежней школе. Здание было типовым. Точь-в-точь такая же раздевалка, тот же крытый переход из одного корпуса в другой, те же коридоры с высокими светлыми окнами и кабинеты. Но схожесть планировки лишь усиливала впечатление того, что все здесь было чужим. Даже огромное панно, украшавшее стену, казалось Илье аляповатым и агрессивным.

Он поднялся на второй этаж, не без душевного трепета зашел в кабинет и увидел, что некоторые одноклассники явились в класс раньше него. К своему облегчению, Илья сразу же приметил среди присутствующих рыжую шевелюру Балашовой. Ребята собрались в тесный кружок и что-то с жаром обсуждали, но при появлении Ильи разговор оборвался и все взоры обратились на него.

– Привет, – проговорил Илья, стараясь придать своему голосу беспечность.

Ответом ему было гробовое молчание.

«Презируют из-за вчерашнего, – мрачно подумал Илья. – И дернуло же меня спрятаться в кусты! Теперь на всю школу ославят, как труса».

Однако сейчас было некогда думать о том, как очистить свое имя от позора. Илью ждали куда большие неприятности, если не рассказать Балашовой, что Серега никогда не был ни Робин Гудом, ни Отелло и причина его перехода в новую школу самая обыденная: переезд на новую квартиру. Серега мог появиться в любую минуту, поэтому времени оставалось в обрез. Илья понял, что Настя не отлипнет от девчонок и шансов поговорить с глазу на глаз нет. Он, скрепя сердце, обратился к ней:

– Балашова, можно тебя на минутку. Я хотел с тобой поговорить.

– Нам не о чем разговаривать, – сухо отрезала девочка.

– Пожалуйста. Это важно.

– Говори при всех. В компании секретов нет.

– Нет, я должен сказать это лично тебе, – настаивал Илья. Он не собирался устраивать публичное покаяние.

– В любви, что ли, признаться хочешь? – съязвила Настя.

– Я к тебе серьезно, а ты... – с укором произнес Илья.

– Хорошо, давай выйдем, – согласилась девочка.

Она бросила взгляд на ребят, будто заручаясь их поддержкой, и пошла за Ильей. Как только они вышли из класса, Люся Приходько заговорщически произнесла:

– Видели? Все сходится. Один на один работает. Наркоманы всегда так втягивают людей.

– Вы что, совсем дуры? Стал бы торговец наркотой в первый же день в школе светиться! Тоже мне, нашли наркодилера, – усмехнулся рассудительный Паша Бойко.

– Ты что? Я собственными ушами слышала, что его за это из школы исключили, – с жаром заверила Люся Приходько. – Он сам признался, что наркоман и наркотиками приторговывает.

У него мать целыми днями бьется в истерике, он так и сказал. Наверно, бедняжка уже потеряла всякую надежду вылечить сына.

– Ты, Бойко, помолчал бы, если не знаешь, – поддержали Люсю девчонки.

Накануне Приходько полдня просидела на телефоне, и к вечеру вся прекрасная половина класса была в курсе, что Кречетов – фрукт почище Бережного.

– Интересно, почему он выбрал Балашову? – задумчиво произнесла Люся.

– А тебе завидно? – засмеялся Паша.

– Вот еще, – фыркнула девчонка.

Настя и сама сгорала от любопытства, о чем ей хотел поведать Кречетов. До сих пор ей не приходилось иметь дело с наркоманами, однако теперь, когда она знала, кто такой Илья, Настя «безошибочно» заметила в его внешности губительные признаки употребления зелья. Даже худоба Ильи приобретала в ее глазах злобный, болезненный оттенок.

Оставшись с Балашовой один на один, Илья не стал тянуть резину и сразу выпалил то, что его мучило:

– Я хотел тебе сказать про Серегу Бережного. Он никакой не уголовник, и из школы его не выгоняли. Его родители квартиру поменяли, и они переехали в наш район. Я пошутил про то, что он парня зарезал.

– Так ты еще и шутник? – Настя не удержалась от ехидства и презрительно добавила: – Дурацкие у тебя шуточки.

– Согласен. Только ты Сереге не говори, что я тебе сказал.

– У меня вообще нет желания разговаривать ни с ним, ни тем более с тобой, – передернула плечами Настя, а про себя подумала: «Сразу видно – одного поля ягода. Ишь как дружка выгораживает».

Между тем Илья по-своему понял ее презрительную усмешку. Он был уверен, что Настя намекает на его вчерашнее малодушие. Пора было заняться спасением собственного авторитета, и Илья с раскаянием сказал:

– Знаешь, я свалил дурака, но больше не буду.

– Все так говорят, но от этого так просто не избавишься, – покачала головой Настя.

В ее словах сквозила горькая правда. Сколько раз Илья ругал себя за трусость и давал слово преодолеть страх, но в нужный момент решимость всегда покидала его. Надо же было такому случиться, чтобы в новой школе в первый же день узнали о его позорной слабости.

– У каждого есть недостатки. Я и рад бы исправиться. Но я же не виноват, – оправдывался Илья.

– А кто же виноват, если не ты? Недостаток недостатку рознь. Если бы у тебя была сила воли, ты бы сумел себя одолеть. И запомни, если ты в нашей школе продолжишь те же штучки, за которые тебя выгнали из прежней, то тебе не поздоровится. Только попробуй. Я скажу Макс, он так тебя вздует, что твой дружок не поможет.

Настя повернулась и пошла в класс. Судя по ее словам, здесь и без его признания уже разобрались, что из школы выгнали не Серегу, а его. Непонятно только, за что они все так окрысились? Что плохого в том, что он любит пошутить?

«С чувством юмора у аборигенов явный напряг», – подумал он, а вслух сказал:

– Между прочим, в той школе ребятам даже нравилось.

– Не сомневаюсь. Подонок, – бросила она и исчезла за дверью кабинета.

Илья стоял, как оплеванный, и недоуменно хлопал глазами. Мама была права, утвердиться в новой школе оказалось труднее, чем он предполагал. Хорошо, что он не одинок. Он дождался Серегу, и они зашли в кабинет вместе.

Нынешний день прошел еще хуже вчерашнего. Правда, никто не приставал и не нарывался на ссору, но от этого было не легче. Класс объявил новичкам бойкот. С ними никто не разговаривал. Их сторонились, как прокаженных.

– Совсем рехнулись. Сами же вчера нарвались, а теперь разобиделись, – возмущался Серега.

Он легко сходилась с людьми и не предполагал, что в новой школе подружиться с одноклассниками станет для него проблемой. Он попытался загладить вчерашнюю ссору, но его благие намерения натолкнулись на глухую стену. Оставалось благодарить судьбу за то, что есть хотя бы Илья. Конечно, друг он ситцевый, если при первой же опасности ныряет в кусты, но все равно лучше он, чем никого. К тому же у Ильи имелись свои достоинства. Он был мастер по части шуток.

Серега улыбнулся, вспомнив, как здорово Илья разыграл его, будто он наркоторек. Он это так натурально представил, что любой бы купился на эту удочку. Серега и сам любил розыгрыши, только ему в голову ничего толкового не приходило.

Дни тянулись уныло и монотонно. Оставив попытки найти общий язык с одноклассниками, Илья с Серегой довольствовались обществом друг друга. Однако их зарождающейся дружбе было суждено пройти суровое испытание.

В то время как весь класс бойкотировал «малолетних преступников», нашелся один человек, который вопреки всем слухам, а может быть, благодаря им, смотрел на Серегу с обожанием.

Миниатюрная черненькая Яна Калитина начала читать любовные романы, когда другие дети в ее возрасте не шли дальше сказок. Теперь она запоем поглощала книги со страстными парами на обложках и мечтала встретить свою единственную любовь. Однако, глядя на одноклассников, Яна разочаровалась в жизни, решив, что настоящие чувства бывают только в книгах. И вот, когда она совсем отчаялась встретить прекрасного принца, он явился.

Как только Калитина узнала, что Бережной не побоялся из ревности полезть с ножом на соперника, она сразу же поняла, что только таким должен быть герой ее мечты – бесстрашным и сильным. Подвиги книжных суперменов меркли перед романтическим поступком Сергея. Яна готова была отдать полжизни за то, чтобы оказаться на месте той девчонки, из-за которой он совершил безрассудный поступок. Ее пугало только одно, что наркоман Кречетов заманит Сережу в свои сети. Воодушевленная самоотверженностью книжных героинь, Калитина решила, что будет бороться за свою любовь до последнего.

Улучив момент, она подошла к своему кумиру и, восторженно глядя на него, залпом выпалила:

– Сережа, я хочу, чтобы ты знал. Я тебя не осуждаю. Я восхищаюсь тобой. Ты всегда можешь считать меня своим другом. Только я тебя очень прошу, держись подальше от Кречетова.

– Почему? – спросил Серега, ошарашенный столь неожиданным проявлением дружбы.

– Он же наркоман.

– С чего ты взяла?

– Его за это из школы выгнали.

Надо признаться, сарафанное радио здесь работало исключительно четко. Илья на удивление быстро оброс легендами. Если поначалу говорили, что он приторговывает травкой, то теперь речь шла никак не меньше чем о героине.

– Ерунда. Его выгнали совсем не за это, – возразил Серега.

– Неужели за что-то еще серьезнее? – ужаснулась Калитина.

– Да нет. Неудачно пошутил. Он в какой-то спецшколе учился. Там нравы суровые.

И тут Яну осенило. Спецшкола с суровыми нравами – это наверняка колония. Там Сережа познакомился с Кречетовым и теперь не может от него отвязаться. Во всех криминальных романах главный герой, выйдя на волю, стремится порвать с преступным прошлым, а прежние дружки ему не дают. Поняв, в чем дело, Калитина самоотверженно решила броситься

на помощь своему идолу. Но для этого нужно было соблюдать конспирацию. Увидев, что к ним приближается Илья, она торопливо проговорила:

– Не бойся, я тебе помогу. Я буду защищать тебя, чего бы это ни стоило. Только об этом ни слова.

После столь патетической тирады Калитина поспешила уйти, чтобы рассказать классу о новом повороте событий и сплотить коллектив для борьбы за Сережу.

– Что ей от тебя нужно? – спросил Илья, кивнув на удаляющуюся Калитину.

– Понятия не имею. Чокнутая какая-то. Собралась меня от чего-то защищать. Прикинь прикол! Бодигард сушеный, – усмехнулся Серега.

Илья не разделял беспечности друга. Каждый день он опасался, что нынешнее спокойствие было лишь затишьем перед бурей. И вот началось.

– Припомни точно, что она тебе сказала, – потребовал он.

– Да ничего особенного. Мол, не бойся. Я буду тебя защищать. И еще попросила, чтобы я об этом никому не проболтался.

– Так и есть. Против нас что-то замышляют, – упавшим голосом произнес Илья.

Глава 5

Фабричная копоть и выхлопные газы обезобразили свадебно-белое одеяние зимы. Еще недавно она торжественно-искристой властительницей вошла в город, а теперь, точно нищенка, ютилась на замызганных улицах. Пышные снежные кружева превратились в грязные лохмотья. Болезненно серые сугробы потеряли свежесть и, словно струпами, покрылись плотной ноздреватой коркой. Тротуары кое-где сузились до тропинок. Прохожие брели гуськом, глядя друг другу в затылок. Только Серега с Ильей, занятые разговором, шли рядом, игнорируя протоптанную тропу.

Подолы Серегиных ботинок, точно океанские лайнеры, уверенно рассекали грязно-бурое месиво из снега и песка, под которым скрывался коварный настил льда. Илья, напротив, осторожничал, семена мелкими шажками. Несмотря на это, он то и дело поскользнулся и, как дирижер, взмахивал руками, чтобы обрести равновесие. Тяжелый кейс в руке устойчивости не прибавлял, и от этого внутреннее раздражение Ильи росло.

Почему он не настоял, чтобы ему купили рюкзак, как у других ребят? Мама считала, что «дипломат» выглядит солиднее. Очень солидно плясать, как корова на льду, сердито думал Илья. Впрочем, кейс был лишь малой толикой его неприятностей. Перед ним стояли гораздо более серьезные проблемы. Серегино спокойствие его и удивляло, и бесило.

– Неужели ты не понимаешь? Они хотят застать нас врасплох, – Илья пытался убедить Серегу в том, что не следует расслабляться, но тот отмахивался.

– А по-моему, не стоит забивать голову всякой ерундой. Может, никто ничего не замышляет. Чего впереди паровоза бежать? Будет проблема, будем решать.

– Как же ты ее будешь решать?

– Да очень просто. Пусть только попробуют напасть. Посмотрим, кто из нас круче. Пан или пропал.

Илья прикусил язык. Лично он был из тех полководцев, которые считают битву проигранной, еще не вступив в сражение, поэтому придерживался другой тактики. Если уличные хулиганы ставили перед ним выбор: кошелек или расквашенный нос, он предпочитал расстаться с деньгами, потому что нос, по его мнению, стоил гораздо дороже. На худой конец, он полагался не на силу кулаков, а на быстроту ног. К сожалению, в данном случае такая тактика не подходила. Бежать с поля брани в одиночку Илья не мог. Вторичного бегства Серега ему бы не простил. А шансов победить в кулачном бою у Ильи было не больше, чем у боксерской груши.

Размышляя над своим жалким жребием, Илья потерял бдительность. Ноги его заскользили по гладкой поверхности льда. Он часто-часто засеменил, будто танцуя лезгинку. На сей раз попытка удержаться не удалась. Он почувствовал, что падает, но в последний момент Серега подхватил его под руку. Это незначительное происшествие Илья воспринял как знамение. Даже в такой мелочи он должен был полагаться на Серегу. Он шел, уставившись под ноги, чтобы не споткнуться, и в его ссутулившихся плечах читалась безвольная покорность судьбе.

Ребята дошли до перекрестка. Дальше их пути расходились в разные стороны. К ним подбежала тощая бездомная собака. Она просительно вытянула морду и робко вильнула хвостом в надежде получить что-нибудь съестное. Несчастное животное крутилось возле людей, ожидая, что в чьем-то сердце найдется немного тепла, и принимало редкие подачки за благо. Серега замахнулся ногой. Псина отбежала, трусливо поджав хвост, и покорно потрусилась дальше. Ей было не впервой сталкиваться с жестокостью.

«Вот и я так же убегаю», – мрачно подумал Илья, а вслух укоризненно сказал:

– Зачем ты так?

– А чего она привязалась? Не люблю я их. Расплодились по всему городу.

Илья смалодушничал и промолчал, не вступая в дальнейший спор, но когда Серега перешел через дорогу, огляделся вокруг в поисках собаки. Он ощущал внутреннюю схожесть с несчастной, запуганной дворнягой и хотел купить ей сосиску в булке, как будто тем самым надеялся отвести от себя неминуемо предстоящее унижение. Но собака успела куда-то скрыться. Откупиться от судьбы не удалось. Это был недобрый знак.

Вечером Наталья Павловна засиделась в парикмахерской и пришла домой позже мужа. Ее так распирало от новостей, что с первого взгляда было ясно: время в салоне красоты потрачено не зря. Едва переступив порог, она возбужденно воскликнула:

– Ваня, оторвись от телевизора!

Иван Степанович бросил взгляд на жену и заученно произнес неизменное:

– Хорошо. Тебе идет.

Ему было безразлично, какой новый эксперимент супруга произвела над собственной головой, но он по опыту знал, что лучше сразу же похвалить ее новую прическу и избежать целого вечера попреков в черствости и равнодушии. Исполнив свой долг, он снова повернулся к телевизору, но Наталья Павловна потребовала его внимания:

– Послушай, что я тебе скажу. Я такое узнала! – Дай хотя бы посмотреть, что в мире делается, – попытался отмахнуться Иван Степанович, но жена проявила настойчивость:

– Что тебе до всего мира, когда у тебя под носом такое творится! Мне рассказали ужасную вещь. Оказывается, у соседки моей парикмахерши девочка учится в одном классе с Илюшей. Это же просто кошмар!

– Что же кошмарного в этой девочке? – без особого интереса спросил Иван Степанович.

– Не в девочке, а в классе. Это же притон какой-то! Представляешь, у них там учится целая шайка малолетних преступников.

– Так уж и преступников. Наташа, ты, как всегда, преувеличиваешь, – спокойно отозвался он. – Дети есть дети. Иногда пошлят, не без того. Это не повод, чтобы сразу записывать их в преступники.

– Ничего себе шалости! Может, они за детские забавы отбывали срок в колонии?

– В какой колонии?

– Для малолетних преступников, – торжествующе произнесла Наталья Павловна и, чтобы окончательно добить мужа доводами, прибавила: – Или ты считаешь, что торговля наркотиками – это тоже детские игрушки?

Тема разговора Илью весьма заинтересовала, и он прислушался, мысленно прикидывая, о ком идет речь. Самым задиристым парнем в классе был Максим, но, если бы не мамыны разоблачения, Илья никогда не догадался бы, что Макс вышел из колонии.

Между тем Иван Степанович воспринял рассказ жены более скептически. Он привык, что каждый раз после посещения парикмахерской или салона красоты она возвращалась с массой сенсационных новостей.

– Ты уверена, что говоришь про школу, где учится Илья? Может, твоя парикмахерша тебе детективный роман пересказывала? – усмехнулся он.

– У тебя все шуточки. Говорю же, у соседки моей парикмахерши там учится дочка. Она приходит домой и обо всем рассказывает. Девочки всегда делятся с матерями, не то что мальчишки, от которых слова не добьешься. Там такие страсти творятся! У нее родители в растерянности. Сами не знают, что делать.

– Прекрати сеять панику. Мало ли что наболтает девчонка. Может быть, у нее богатое воображение. Дай хоть новости досмотреть, – Иван Степанович демонстративно устался в экран телевизора.

– А судьба сына – это для тебя не новость. То, что Илюша учится рядом с типом, который отсидел за поножовщину, это тебя не волнует.

- В каком смысле отсидел за поножовщину?
- В самом прямом. Кого-то пырнул из ревности.
- Думай, о чем ты говоришь. Какая поножовщина из ревности в их возрасте?
- Акселерация.

У Ильи шевельнулось смутное предчувствие, что слух о малолетнем преступнике распространился не без его помощи и речь идет вовсе не о Максиме, а о Сереге. По мере того как продолжался разговор, предчувствие переросло в уверенность. Но главный сюрприз ждал Илью впереди.

– А его ближайший дружок, между прочим, торгует наркотиками, – выложила последний козырь Наталья Павловна.

Эта новость поставила Илью в тупик. Ближайшим другом Сереге мог считаться только он, но при чем тогда наркотики? Кому понадобилось выдумывать такую глупость? Озарение пришло внезапно. Он ведь сам разыграл Серегу, будто является наркодилером. Но откуда про это узнали в классе? По всему выходило, что шутка оказалась неудачной.

Илья хотел пойти и рассказать родителям о происшедшем недоразумении, когда услышал слова матери:

- Нужно срочно перевести Илюшу в другую школу.

Илья тотчас сообразил, как из данной ситуации извлечь выгоду. Хорошо бы улизнуть из ненавистой школы как раз перед тем, как одноклассники устроят им темную. Если Серега такой храбрый, пускай сам разбирается. У Ильи даже не шевельнулась мысль о том, что он готов в другой раз предать Серегу, оставив его один на один с кучей врагов. Человек всегда готов найти оправдание собственному малодушию. Вот и Илья резонно рассудил, что если Серега заподозрит его в позорном бегстве, то он всегда может сказать, что это родители решили перевести его в другую школу, а он тут ни при чем.

Когда мама позвала его из соседней комнаты, у Ильи уже созрел план.

– Илья, это правда, что кто-то из твоих одноклассников побывал в колонии? – спросил отец.

- Скажи ему, а то он мне не верит, – подхватила мать.

– Вроде бы, так говорят, – уклончиво ответил Илья.

Чтобы покинуть ненавистную школу, не стоило разуверять родителей в их заблуждении.

– Убедился? – торжествующе подбоченилась Наталья Павловна и с трепетной заботой обернулась к сыну:

- Солнышко, эти бандиты к тебе не пристают? Скажи честно.

Илья многозначительно промолчал и отвел глаза.

– Илюша, говори мне правду. Они пристают к тебе? – не на шутку забеспокоилась Наталья Павловна и, не дожидаясь ответа Ильи, накинулась на мужа: – Ты не думаешь о том, под какой удар подставляешь сына! Эти негодяи наверняка узнали, что он из обеспеченной семьи. Именно таких детей они и подцепляют, чтобы потом качать из них деньги. Илюша, тебе предлагали наркотики?

– Может быть, лучше перейти в другую школу? – вместо ответа смиренно произнес Илья, пытаясь направить мысли родителей в нужное русло.

В разговор не замедлил вступить отец.

– Ты в этой школе недели не проучился. А если в другом месте тебе тоже не понравится, так и будешь через каждые три дня школы менять? – сурово спросил он.

Только теперь Илья сообразил, на что себя обрекает. Он уже убедился, что новичкам приходится несладко. Достаточно вспомнить, как в первый же день новые одноклассники поджидали их возле ворот. Но в этой школе рядом с ним Серега, а в другой он останется с неприятностями один на один. Такая перспектива его вовсе не радовала. Как только Илья понял, что без Сереге ему придется туго, в нем снова возродилось чувство товарищества.

– А может, и не надо в новую школу. Тут я уже начал понемногу привыкать, – поспешно ретировался он.

Отец подозрительно посмотрел на сына и спросил:

– Говори начистоту. Правда, что у вас кто-то балуется наркотиками?

– Нет, про наркотики я первый раз слышу, – не покрывив душой, сказал Илья.

– Не юли. Зачем же ты тогда собрался переходить?

– Я не собирался, – пролепетал Илья.

Съежившись под пристальным взглядом отца, он стал похож на длинноносого, голенастого вороненка.

Илья робел перед отцом, хотя тот его никогда не наказывал, полностью переложив воспитание на жену. Иван Степанович умел быть напористым, твердым и даже резким, когда добивался поставленной цели. Всех, кто не мог преуспеть в жизни, он считал слизняками, поэтому собственный сын был для него разочарованием. Илья никогда не решился бы поговорить с отцом о своих проблемах. А зачем? В ответ он в очередной раз услышит: «Чтобы тебя не били, надо бить самому». А если он не хочет никого бить? Наверное, отцу нужен был такой сын, как Серега: сильный, смелый, уверенный. Но в Илье не было ни одного из этих качеств.

– Ты же видишь, ребенок запуган. Чего ты от него хочешь? – вступилась за сына Наталья Павловна.

Иван Степанович на минуту задумался, а потом произнес тоном, не терпящим возражений:

– В общем, так. Из школы в школу он прыгать не будет, по крайней мере до окончания учебного года. А потом посмотрим.

У Ильи отлегло от сердца. Что ни говори, а рядом с Серегой он чувствовал себя спокойнее. Не успел Илья обрадоваться, что все обошлось, как дело испортила мама.

– Но ведь нельзя пускать это на самотек, – возразила она.

– Сейчас я все равно ничего не могу решить. Кстати, забыл тебе сказать, завтра я дней на пять уезжаю в командировку.

– И ты говоришь мне об этом только сейчас? – возмутилась Наталья Павловна.

– Необходимость в поездке возникла сегодня. Это срочное дело. И потом, чему так удивляться? Я езжу чуть ли не каждый месяц.

– Но ты ведь знал, что я собираюсь с Машей и Светой в Суздаль. Неужели нельзя было отказаться или перенести командировку на другое время?

– Знаешь, для меня поездки – это работа, которая, между прочим, позволяет тебе с твоими кумушками разъезжать и развлекаться.

– Это, между прочим, не развлечение, – вспыхнула Наталья Павловна.

– Ну да, по-вашему, это называется паломничеством, – улыбнулся Иван Степанович. – Но моя работа для меня важнее.

– И нечего усмехаться. Ты просто эгоист. Что же, мне теперь сдавать билеты и отменять заказ на гостиницу?

– Почему? Поезжай, я тебе не запрещаю.

– Я ведь не могу оставить Илюшу одного.

– Он уже не младенец. Ему не повредит тройку дней пожить самостоятельно. Вот увидишь, ничего с ним не случится. В прошлом году мы ведь оставляли его одного, – напомнил отец.

– Всего на один день.

Илья оживился. Судьба преподносила ему неожиданный сюрприз. Ради него мама вполне могла отказаться от любой поездки, поэтому главное было утвердить ее в решении ехать.

– Мама, папа прав. Ничего со мной не случится. К тому же ты ведь так давно собиралась в Суздаль. Если тетя Маша и тетя Света поедут без тебя, то сама ты туда уже не съездишь, – привел свои доводы Илья.

– Но как же ты будешь один? Кто тебя покормит?

– С едой не проблема. Куплю что-нибудь в магазине. А на обед могу сходить в пиццерию или в «Макдоналдс».

– Желудок портить.

– Но ведь это же всего три дня и то не целиком, – уговаривал Илья.

– В самом деле, Наташа, дай парню почувствовать самостоятельность. Что ты все время заставляешь его держаться за твою юбку!

Наталья Павловна все еще не решалась сделать столь отчаянный шаг, но уже начала сдавать позиции.

– Хорошо, я поеду, но ты должен пообещать мне, что пойдешь к директору школы и разберешься, почему там бандиты и наркоманы учатся вместе с нормальными детьми.

– Обещаю. Как только вернусь, – кивнул отец.

Радужная перспектива провести несколько дней одному сразу же померкла. Ничего хорошего от визита отца в школу ждать не приходилось. Вместо того чтобы получать от жизни удовольствие, придется придумывать, как выбраться из создавшейся ситуации. Коль скоро отец решил идти к директору, его не переубедить.

Рассказать родителям правду? Нет, они подумают, что он их обманывает. Даже слабоумный не поверит в то, что он, Илья Кречетов, и есть бандит, который держит в страхе весь класс. Скорее всего, отец решит, будто сына запугали и он нарочно наговаривает на себя, чтобы выгородить обидчиков. Тогда он наверняка пойдет в школу и учинит там жуткий разнос.

Оставалась слабая надежда, что пока отец в командировке, удастся придумать, как выкрутиться. В запасе было пять дней, а может, и того больше. Вряд ли отец, вернувшись, сразу же побежит в школу.

Прикидывая, как долго продлится отсрочка, Илья посмотрел на красочный настенный календарь и обомлел. Под ложечкой противно заныло от недоброго предчувствия. Завтра была пятница. Тринадцатое февраля. Не то чтобы Илья верил в приметы, но недаром говорят, нет дыма без огня. В нынешней ситуации подобное стечение случайностей не сулило ничего хорошего.

В памяти всплыло предостережение Калитиной о предстоящей расправе, и завтрашнее число приобрело особенно зловещий смысл. Как ни крути, будущее не обещало радостных перспектив. Всюду ожидали серьезные проблемы. Илья попытался отогнать от себя мрачные мысли.

«Как говорит Серега, пан или пропал», – бодро подумал он, а где-то в глубине сознания печальным эхом отдалось: «Пропал».

Перед глазами стояла черная строчка календаря: пятница, тринадцатое.

Глава 6

С тех пор как Борис Ефимович Мистерский, программист одной из рекламных фирм, увидел призрака, прошло больше года, но он так и не оставил затею получить уникальное фото. Для начала он съездил к соседу своей тетки и, к удовольствию старика, долго расспрашивал того про случаи на «нечистой» дороге. Потом Мистерский перечитал массу литературы по аномальным явлениям и на компьютере просчитал возможность возникновения миражей в зависимости от времени суток, сезона и погодных условий. Все свободные часы Борис Ефимович посвящал построению таблиц и графиков, говорящих о вероятности появления призрака. Друзья подтрунивали над его чудачеством, но он лишь отшучивался.

Раз в месяц, в полнолуние, Мистерский мчался из Петербурга в Гатчину в надежде сделать уникальные фотографии. Специально для этой цели он приобрел профессиональный фотоаппарат и цифровую камеру. Покупка влетела в копейку, но идея слишком захватила его, чтобы считать деньги. Он был уверен, что в случае удачи все окупится.

Однако шли месяцы, а призрак не появлялся. Каждый раз по возвращении из «экспедиции» Мистерский тщательно анализировал неудачу и вносил в расчеты поправки. На первых порах жена разок съездила в Гатчину вместе с ним, но одной поездки хватило, чтобы ее охотничий пыл угас. Не утруждая себя проявлениями излишнего такта, она без обиняков заявила, что только полный идиот может всю ночь караулить в лесу привидение.

По мере того как надежды на возможность получения сенсационного снимка таяли, ее отношение к затее мужа менялось по шкале: терпимое, прохладное, враждебное. Когда Борис в очередной раз собрался на охоту за призраком, жена целый день дулась и хранила гробовое молчание, однако видя, что его намерения непоколебимы, она перешла в наступление:

– Опять собираешься? Тоже мне гоустбастер! Над тобой уже все смеются.

– Над Галилеем тоже смеялись, когда он говорил, что Земля круглая. У меня предчувствие, что сегодня я еду не напрасно, – возразил Мистерский.

– У тебя каждый раз предчувствие.

– Сегодня особый случай. Скажи, какой завтра день?

– Ну пятница.

– Правильно. А число?

– Тринадцатое. Дурдом какой-то! Неужели ты веришь в эту чушь?

– Я не просто верю. Я видел призрака своими глазами. А сегодня ровно в полночь наступает тринадцатое число, пятница. Всякое суеверие имеет под собой основание. Может быть, это знак. Я не могу упустить такой шанс, – сказал Борис Ефимович, собирая фотоаппаратуру.

– Я не отрицаю, что необъяснимые явления существуют, но это не повод, чтобы тратить бешенные деньги. Зачем ты накупил этой техники? У нас что, фотоаппарата нет?

– Смеешься? Делать уникальные снимки нашей мыльницей?

– А чем она плоха? Автоматически настраивается и со вспышкой. Между прочим, меня ты фотографировал мыльницей.

– Но ты же не призрак. Вот станешь привидением, буду снимать тебя по высшему разряду. Обещаю, – отшутился Мистерский, надевая теплую куртку.

– Я тебе в кошмарных снах буду являться, – в сердцах выкрикнула жена, понимая, что очередная словесная дуэль проиграна.

Погода стояла ясная и морозная. За городом зима хранила свою красоту. Огромная красноватая луна висела низко, едва не цепляясь за верхушки деревьев. Она как будто нарочно приблизилась, чтобы разглядеть землю близорукими кратерами глаз. На фоне звездного неба лес стоял светлый. Ели кутались в вытканые из снега пуховые платки. В лунных лучах снег поблескивал, как на рождественских открытках.

Машина подкатила к обочине дороги, и урчание мотора стихло. Борис Ефимович взглянул на светящийся в темноте циферблат. До полуночи оставалось больше полутора часов. Времени вполне хватало, чтобы вздремнуть. Он откинул кресло и устроился поудобнее, но назойливые мысли мешали уснуть. Несмотря на то что в перепалке с женой Мистерский хорошо хорился, он понимал, что в задаче слишком много неизвестных. Призрак мог объявиться в стороне от того места, где была припаркована машина. К тому же только в кино попадание тринадцатого числа на пятницу гарантировало появление привидений.

Иногда по дороге, слепя фарами, проносились автомобили. От нечего делать, охотник за призраками стал их считать и составлять статистику: в какую сторону машин едет больше. Это нехитрое занятие помогло скоротать время.

До полуночи оставались считанные минуты. Лик луны приобрел синюшный оттенок. «Как утопленник», – пожившись, подумал Мистерский. Ему стало жутковато. То ли сказывалось переутомление, то ли живущий в каждом из нас со времен язычества страх перед дурными приметами и символами несчастий. Вот уже больше года Борис Ефимович регулярно приезжал сюда, надеясь увидеть гостя из иного мира, но никогда прежде он не испытывал такого навязчивого чувства тревоги.

Несмотря на поздний час, было довольно светло от обилия выпавшего снега. В лунном свете сугробы стояли будто подсиненные. Со всех сторон дорогу обступал тихий, как зачарованный, лес. Мистерский вдруг обратил внимание, что уже с четверть часа по шоссе никто не проезжал. Дорога была пустынной, как в ту памятную ночь. Он потянулся к фотокамере, чтобы проверить, все ли в порядке, когда неожиданно резко стемнело. Он поднял глаза и увидел, как по ветровому стеклу растеклась огромная черная клякса. Внезапно она ожила и зашевелилась, точно гигантская амеба. Распластавшись на лобовом стекле, как на экране, клякса меняла очертания. Это было похоже на мультипликацию, но от подобной мультяшки веяло чем-то жутким. Мистерский возблагодарил Всевышнего, что находится в автомобиле. Машина давала чувство относительной безопасности.

Между тем сгусток тьмы сорвался с ветрового стекла и превратился в большого черного кота. Гибкий, точно пантера, он сверкнул янтарными глазами и воинственно выгнул спину. Хищно ощерившись на охотника за призраками, котище пригнулось, готовясь к прыжку и, выставив когти, бросился на человека.

Мистерский отпрянул, позабыв о том, что его отделяет от кота ветровое стекло. Налетев на преграду, кот снова растекся черной кляксой. Борис Ефимович смотрел, как темные потеки сбегает по стеклу, и чувствовал себя гоголевским семинаристом Хомой из повести «Вий», только вместо мелового круга его защищал корпус автомобиля.

Скоро чернота рассеялась, а превращения продолжались. Гладкая лента шоссе исчезла.

Вокруг простирался девственный лес. Среди деревьев пряталась вросшая в землю изба. Земляная крыша поросла травой, и постройка походила на холм. Куда делись снег и сугробы? Перед избой, опираясь на посох с корявой, загнутой ручкой, стоял мужик с длинной бородищей, похожей на расчесанную паклю. На нем была холщовая рубаша, выпущенная поверх штанов, и лапти. Глаза мужика, вперившиеся в Мистерского, точно горячие угли, поблескивали из-под кустистых бровей.

Охотник за призраками только теперь вспомнил про цель своих ночных бдений. Он потянулся к фотокамере, и, к своему ужасу, увидел, что аппаратура исчезла вместе с машиной. Он оказался абсолютно незащитным лицом к лицу с незнакомцем. Бородатый мужик замахнулся на него посохом. Мистерский хотел увернуться, но посох попал ему в ребро. Борис почувствовал боль и... проснулся.

Он вынырнул из сна стремительно, как вырывается на поверхность воды человек, у которого в легких больше не осталось воздуха. Некоторое время он пытался сообразить, где находится и что произошло. В боку ныло. Тут он заметил, что машина плавно катится по шоссе, и

остатки сна мгновенно слетели с него. Потянув за рычаг ручного тормоза, он остановил автомобиль и перевел дух. Очевидно, во сне он неловко повернулся, уперся боком в рычаг и снял машину с тормоза.

«Бесовщина какая-то», – подумал Мистерский, отгоняя видение. Он взглянул на циферблат. Время близилось к двум. Под ложечкой неприятно засосало. Неужели проспал? А может быть, ничего и не было? Или мужик не приснился? Что если он был наяву? Нет, вне всяких сомнений, это был сон.

Борис Ефимович отмахнулся от бредовых мыслей. Он слишком заиклился на погоне за призраком. Если так пойдет дальше, то еще не такое померещится. Эдак недолго превратиться в неврастеника. Вероятно, жена и друзья правы: с ежемесячными поездками надо кончать. Если однажды в жизни удалось увидеть аномальное явление, это не значит, что повезет еще раз. Впервые за все время Мистерский усомнился в успехе своих поисков. Во всяком случае, нынешней ночью выждать больше было нечего. Пятница, тринадцатое, наступила, но мистика ночи улетучилась. Ощущение чуда пропало.

Борис отвинтил объектив фотоаппарата и убрал все в специальную кожаную сумку. Пожалуй, он и впрямь погорячился с покупкой столь дорогой техники. Возомнил себя профессиональным фоторепортером. Скорее всего, придется продать. Сам того не замечая, охотник за призраком подводил черту под своей неудавшейся затеей.

Упаковывая фотоаппаратуру, он прикидывал, куда направиться. Можно было скоротать остаток ночи у тетушки в Гатчине, но тогда придется поднимать старушку с постели. Лучше уж сразу отправиться в Питер. Нынешняя ночь для отдыха все равно была потеряна, зато к утру он будет дома. Мистерский отложил сумку с фотоаппаратом и взялся за цифровую камеру.

Его взгляд упал на шоссе, и камера едва не выпала у него из рук. Посреди дороги стояла одинокая фигура, белая, как сугроб. Лица незнакомца было не разглядеть. Несмотря на мороз, он стоял босой, с непокрытой головой, в косоворотке, перетянутой поясом. Впрочем, ему вряд ли требовалась защита от холода.

Сколько дней Борис Ефимович мечтал об этой встрече и все же был застигнут врасплох. Призрак появился именно в тот момент, когда он сдался и похоронил свою затею. Недавний сон выбил его из колеи, и теперь он боялся принять видение за явь. Прошло несколько секунд, прежде чем Мистерский осознал, что перед ним тот самый шанс, ради которого он, несмотря на насмешки друзей и ссоры с женой, каждый месяц жег бензин, упрямо отправляясь на ночные дежурства.

Одновременно до него дошло, в какой идиотской ситуации он оказался. Фотоаппарат был упакован. Чтобы достать его, прикрутить объектив и подготовиться к съемке, понадобится несколько минут, а времени у него не было. Видение могло растаять в любую минуту. Незадачливый охотник за призраком судорожно схватил цифровую камеру.

Мистерский поймал призрака в окошко видоискателя. В середине, точно оптический прицел, высветилась зеленая рамочка наведения на резкость. В режиме автоматической съемки надеяться на хорошее качество снимков не приходилось, но это была синица в руках. Борис Ефимович боялся тратить время на ручную настройку, каждую секунду с ужасом ожидая, что привидение растает у него на глазах. Палец на кнопке камеры был напряжен, точно на спусковом крючке. Он вдавил кнопку. Ночь молнией пронзила вспышка...

...Ночь молнией пронзила вспышка. Илия Кречет не боялся грозного бога Перуна, мечущего грома и молнии. Даже Перун не мог забрать жизнь дважды. Вот уже много веков ни бури, ни грозы, ни бураны не пугали бесприютного путника. Человеческие страхи давно оставили Илию. Стихии проходили мимо. Они были властны погубить тело, но не дух.

Но на этот раз свершилось непонятное. Илие показалось, будто в него разом вонзилось множество иголок. Подобно жадным насекомым, они жалили и покалывали его. Ощущение

было новым и необычным. Илия давно отвык чувствовать свое тело. Он прислушался к легкому жжению, охватившему его с головы до пят. Едва начавшись, боль внезапно отступила. Илии Кречету почудилось, что он распадается на множество мельчайших частиц.

Повинуясь слабому, не осязательному даже для приборов, магнитному излучению, рассеянные в воздухе частицы невидимым потоком устремились к цифровой камере.

Призрак растворился. Мистерский сидел, глядя на пустынное шоссе за стеклом автомобиля. На этот раз это был не сон. Разумом он понимал, что свершил то, ради чего потратил столько времени и сил, но эйфории не было. Как всегда бывает после большого потрясения, он испытывал лишь тупую усталость. Радость победы придет позже, когда уляжется шок от увиденного.

Слепящий свет фар проезжающей мимо машины вывел Бориса Ефимовича из оцепенения. Только теперь он заметил, что по-прежнему сжимает в руках цифровую камеру. Он посмотрел на экранчик, испытав одновременно и радость и разочарование. Размытое белесое пятно и было долгожданным снимком. Откровенно говоря, он ожидал чего-то большего. Впрочем, ни один из виденных им снимков аномальных явлений четкостью не отличался. К тому же изображение было слишком маленьким, чтобы его разглядеть. Возможно, при увеличении на экране компьютера оно станет более отчетливым. Мистерский похвалил себя за то, что предусмотрительно захватил ноутбук.

Перегнувшись через спинку кресла, он достал с заднего сиденья компьютер, откинул крышку и дрожащей рукой нажал на кнопку включения. Монитор осветил салон автомобиля безжизненным неоновым светом. Мистерский подсоединил камеру к порту ноутбука, вошел в меню и, перебросив фотографию на компьютер, напряженно застыл перед экраном.

Порой гениальные открытия совершаются случайно. Пределом мечтаний для Бориса Мистерского было сделать снимок аномального явления. Ему даже в голову не приходило, что в данный момент он совершал величайший переворот в науке.

Он видел, как контуры светящегося пятна на мониторе приобрели четкость. В них даже узнавалась человеческая фигура, хотя и не так отчетливо, как наяву. На экране изображение казалось зыбким и размытым. Свет пульсировал, создавая эффект движения. Фотография будто дышала. Мистерский с сожалением подумал, что при выводе изображения через принтер это загадочное мерцание пропадет. Впрочем, при необходимости его можно было воспроизвести через компьютер.

Охотник за призраками не знал, что полученное им фото – это нечто большее, чем обычный снимок. Под влиянием электромагнитного поля компьютера рассеянные частицы, пойманные цифровой камерой, потоком устремились к более сильному источнику. Они перетекали в микросхемы процессора и снова собирались в единое целое. Световое пятно на экране было сгустком энергии. Запертая в тесных рамках, она искала выход, испуская тревожный пульсирующий свет.

Опьяненному победой Мистерскому не терпелось поделиться своим успехом. Часы показывали четверть третьего – не слишком подходящее время для телефонных звонков. Жена наверняка спит. К тому же сейчас он был не в том настроении, чтобы выслушивать ее брюзжание по поводу позднего звонка. Лучше ошарашить ее завтра с утра и насладиться видом ее вытянутой физиономии. «Посмотрим, что она скажет теперь о моих бредовых идеях», – мстительно подумал он. Нет, звонить домой не хотелось. И тут он вспомнил о Михаиле. Тот был заядлым полуночником и наверняка еще бодрствовал.

Борис Ефимович достал мобильник и набрал московский номер. В трубке послышалась серия долгих гудков. Видимо, он переоценил своего друга, и абонент мирно почивал, как другие почтенные граждане. Сосчитав до десяти, раздосадованный Мистерский уже хотел оставить свою затею и отключиться, когда вместо зуммера услышал знакомый голос:

– Алло.

– Миша, я сделал это! – без предисловий выпалил Мистерский.

– Борис, ты, что ли?

– Да. Ты не спишь? – запоздало поинтересовался Борис Ефимович.

– Подозреваю, что нет. Если только мне не снится этот телефонный звонок, – пошутил Михаил.

– Сенсация! Я сделал это! Ты не представляешь, – захлебываясь от впечатлений, Мистерский не находил слов.

– Что случилось? Ты где?

– Ну где я могу быть! На дороге в Гатчину. Я только что заснял его цифровой камерой.

– Кого?

– Призрака, кого же еще.

– Ты серьезно?

– Серьезнее не бывает. Сам увидишь. Включай компьютер. Я тебе сейчас фото по электронке перешлю.

С тех пор как был изобретен Интернет, землю покрыла сеть. Незримая паутина связала между собой компьютеры в разных точках земного шара. Сеть крепла и разрасталась.

Как только между двумя компьютерами протянулся невидимый мостик, Илия почувствовал, что в него вливается неведомая прежде энергия. Его тонкое тело под воздействием поля получало новую жизнь. Илия уже привык к существованию вне брэнной плоти, но теперь он познал какое-то иное, непонятное бытие.

Лес, где он призраком блуждал несколько сотен лет, наконец отпустил его. Вокруг не было ничего, кроме вибрации. Илия стал ее частью, и через него потоком потекли знания, какими доселе не обладал ни один человек. Многое было непостижимо для Илии и походило на небылицы, и все же он знал, что это правда. Он разучился удивляться, ведь он сам стал частицей скрытой в сети информации.

Свободный от прежних пут, он положился на волю случая, пустившись в путешествие по сети. У него появилась надежда, что где-то среди этих знаний он найдет единственное, которое поможет ему успокоиться. Само провидение сжалилось над ним.

Автомобиль мчался по ночному шоссе, когда тишину нарушил телефонный звонок. Мистерский притормозил и только после этого взял мобильник. Даже на пустой дороге он предпочитал не пижонить и не говорить по телефону за рулем. Он ждал, что Михаил позвонит, как только получит изображение, и уже предвкушал восторженные восклицания друга, но вместо похвалы на том конце трубки знакомый голос взревел:

– Если это шутка, то глупая. Ты что, с ума сошел?!

– Что тебя так возмущает? – удивился Борис.

– Ты еще спрашиваешь?! Ты хоть представляешь, что за подарочек ты мне преподнес?!

– А в чем дело?

– Вся работа коту под хвост. Вирус уничтожил все, над чем я бьюсь уже вторую неделю.

– Какой вирус?

– Включи комп. Желаю тебе приятной ночи, – с едким сарказмом произнес Михаил и отключился.

Недоумеая, что произошло, Борис Ефимович достал с заднего сиденья ноутбук и нажал кнопку включения. На экране высветилось меню. Мистерский собирался открыть папку, где хранилась сделанная сегодня фотография, но передумал. Он выбрал ярлык программы, в которой работал в последнее время и кликнул кнопкой. Монитор несколько раз мигнул. Борис Ефимович заволновался, не произошел ли какой-либо сбой. Через долю секунды на экране

вновь появились знакомые строчки. Борис Ефимович вздохнул с облегчением, что все обошлось. Однако не успел он порадоваться, как вдруг буквы на экране посыпались, как спелые яблоки осыпаются с дерева. На мгновение на осиротевшем темном мониторе появился зыбкий пульсирующий силуэт. Потом он растаял, а на экране возникла зловещая надпись: пятница, 13.

Глава 7

Зимнее утро, как всегда, не спешило приподнять над землей завесу ночи. Рассвет еще не забрезжил, а в окнах домов уже загорались огни, возвещая о начале трудового дня. Подъемы затемно давались Илье с трудом. Правда, с переходом в новую школу вставать ему приходилось почти на час позже. Недаром говорят, что в каждом явлении есть свои положительные стороны.

Впрочем, в этот день он проснулся раньше обычного, потому что мамин экскурсионный автобус должен был отправиться в восемь утра. Подниматься не хотелось. Вечером все угомонились далеко за полночь, поэтому он недоспал.

Накануне Наталья Павловна долго мучилась сомнениями, стоит ли оставлять сына одного. Как водится, родители немного повздорили. Отец пригрозил, что не ударит пальцем о палец, чтобы решить школьные проблемы Ильи, если жена и дальше будет растить из сына сюнтя. Эта угроза подействовала.

Наталья Павловна скрепя сердце согласилась ехать в Суздаль. Нарочито громокая посудой, чтобы хоть так выразить протест по поводу черствости мужа, она допоздна стряпала, набивая холодильник едой, дабы любимое чадо не изголодалось.

С самого ранья суэта возобновилась. Илья лежал, слушая перепалку родителей за стеной. Он привык к их постоянным ссорам. Как только речь заходила о нем, родители ругались. Каждый из них был по-своему прав, каждый любил его и на свой лад беспокоился о нем, но Илье от этого было не легче. Иногда у него возникало чувство, что, если бы не он, в доме воцарился бы мир.

Ни отец, ни мама никогда не задумывались о том, что он был немым свидетелем всех их разногласий. Они просто не принимали его в расчет. Мнения Ильи никогда не спрашивали. А ему было нужно только одно: чтобы родители перестали конфликтовать.

В мире не было никого, кому он мог бы излить душу и кто бы его понял. Родители были такие разные, и все же ни маме, ни отцу Ильи не мог поведать о своих проблемах. Мама сразу стала бы волноваться, делать из мухи слона и водить его за ручку. А отец обвинил бы его в том, что он маменькин сынок, не способный постоять за себя, и принялся бы рассказывать, каким он сам был в юные годы.

Дверь комнаты приоткрылась, и в нее заглянула мама.

– Солнышко, ты не спишь?

Илья что-то невнятно промычал в ответ.

– Вставай, я покажу тебе, где что лежит, – поторопила его Наталья Павловна.

– Ты ему еще путеводитель по холодильнику составь с подробным описанием, а то заблудится и борщ с котлетой спутает, – язвительно крикнул из гостиной отец.

Отец был прав. Илья и сам разобрался бы, что к чему, но ему хотелось, чтобы родители хотя бы при расставании не цапались. В надежде их помирить Илья встал с постели и сказал:

– Сейчас ты мне все покажешь. Не волнуйся так, мам. Все будет в порядке.

За оставшиеся полчаса Наталья Павловна успела дать Илье тысячу наставлений и советов. Слушая вполуха, он прилежно кивал и время от времени вставлял: «Хорошо. Ладно. Не забуду». Между тем его мысли были заняты другим. Взгляд, как нарочно, притягивался к несчастному числу в календаре. Учись он в прежней школе, он бы радовался на всю катушку, если бы ему довелось на несколько дней остаться одному. Но сейчас перспектива предстоящей привольной жизни омрачалась недобрыми предчувствиями.

Наконец Наталья Павловна отправилась на автостанцию. Как только дверь за ней закрылась, в доме воцарилась тишина. За завтраком Иван Степанович взял газету, чего обычно не делал при жене, и, с удовольствием потягивая кофе, углубился в мировые проблемы. До поезда оставалась еще пара часов, поэтому он не спешил и позволил себе расслабиться. Илья тоже

решил получить свою долю удовольствий от предоставленной свободы. Вместо полезной, но ненавистой овсянки он сделал себе неполезный, но зато такой вкусный бутерброд с копченой колбасой. Отец сделал вид, что не заметил, как сын «портит себе желудок». Они оба наслаждались воцарившимся в доме покоем.

– Не опоздаешь? – коротко спросил отец, закончив чтение очередной статьи.

– Нет. Времени вагон, – отозвался Илья.

– Ну-ну. Кстати, если мать вернется и увидит, что каша нетронута, будет трагедия, – как бы невзначай вставил отец.

Илья улыбнулся. Совет отца можно было понимать по-разному: хочешь – кашу съешь, а не хочешь – выброси. Главное, чтобы мама ничего не заподозрила. Интересно, а у отца от мамы тоже есть секреты?

Между ними устанавливался мужской союз. «А что если рассказать отцу о моих проблемах?» – подумал Илья и вслух сказал:

– Пап, я хотел тебе сказать...

Иван Степанович повернулся к сыну. Стекла очков блеснули, отражая свет лампы. Глаз за ними не было видно. Вот и слова так же отразятся от гладкой поверхности, не проникнув в душу отца. Тот, кто не испытывал страха, никогда не поймет, что значит бояться. Отец вряд ли подскажет ему, как поступить. Единственное, что он может посоветовать, – собраться с духом и дать сдачи, чтобы постоять за себя. Хорошо давать советы, когда самому тебе не угрожает целая толпа бугаев.

– Что? – переспросил отец.

– Все будет в порядке.

– Вот и хорошо. Не надо расстраивать мать по пустякам. Взрослей. Это тебе шанс проявить самостоятельность. Иначе так и будешь всю жизнь за юбку держаться.

– Ладно, – согласился Илья. Желание откровенничать с отцом пропало.

Илья не торопился в школу, рассудив, что лучше всего являться к самому началу урока. Чем меньше поводов общаться с одноклассниками, тем лучше. Илья вразвалочку собрал портфель и пошел одеваться. На вешалке, как насмешка, висел форменный пиджак прежней школы.

«Лучше пойду голым, чем хоть раз его надену. Подумаешь, лицей. Традиции, фигли-мигли», – сердито подумал он, сдернул пиджак с плечиков и, скомкав, бросил на дно шкафа. Туда же последовал и галстук.

Натянув джинсы и свитер, Илья посмотрел на часы. Следовало поторопиться, чтобы не опоздать.

– Пап, ну я пошел, – бросил он по пути в прихожую.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.